

РОД НИК

Олег
Ермаков

ОУА ФА

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Неисторический роман

Олег Ермаков

Родник Олафа

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ермаков О. Н.

Родник Олафа / О. Н. Ермаков — «Издательство АСТ»,
2021 — (Неисторический роман)

ISBN 978-5-17-135774-0

Олег Ермаков родился в 1961 году в Смоленске. Участник боевых действий в Афганистане, работал лесником. Автор книг «Афганские рассказы», «Знак зверя», «Арифметика войны». Лауреат премии «Ясная Поляна» за роман «Песнь тунгуса». «Родник Олафа» – первая книга трилогии «Лѣсь трехъ рѣкъ», роман-путешествие и роман воспитания, «Одиссея» в декорациях Древней Руси. Немой мальчик Спиридон по прозвищу Сычонок с отцом и двумя его друзьями плывет на торжище продавать дубовый лес. Но добраться до места им не суждено. Жизнь забрасывает Сычонка то в монастырь на Смядыни, то к язычникам в горах Арефинских. Ведомый страстным желанием заговорить, обрести собственный голос, мальчик нигде не находит себе места. Он отправляется искать легендарный родник, источник трех великих русских рек, по преданию, способный исцелять болезни и исполнять мечты. «Пластика письма удивительная, защищающая честь классической русской прозы. Гений места дышит во множестве достоверностей». (Ирина Роднянская)

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135774-0

© Ермаков О. Н., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	11
3	14
4	19
5	25
6	29
7	32
8	37
9	41
10	45
11	49
Часть вторая	53
1	53
2	58
3	63
4	68
5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Олег Николаевич Ермаков

Родник Олафа

*Онемел я от волчьего взгляда.
Вергилий. Буколики. Эклога 9*

*Твой раб, покорнейший судьбе,
Твой, тишина, безмолвный писарь.*

В. Макаренков

*Радуйся, источнике, благодатию обильный...
Акафист святителю Спиридону Тримифунтскому*

© Ермаков О.Н., 2021

© ООО "Издательство АСТ", 2021

Часть первая

Вержавляне великие

1

Течение было напористым, хотя дурная сила половодья уже выдохлась. Но Гобза усмиряется лишь летом, делается ленивой, мелкой. А сейчас еще цвела весна, и вода была мутной, быстрой. Мальчишка в серых портах и длинной серой рубаше, подпоясанной веревкой, на высоком берегу, серо-зеленом от прошлогодних и свежих трав, то и дело вставал в полный рост на грязно-белой лошадке с длинной спутанной гривой, прочно прилепляясь босыми ступнями к ее широкой теплой спине без седла, чтобы дальше видеть. Но и с нее ему удавалось обозреть реку лишь до шеренги елок, из-за которых она и приходила. От нетерпения он кусал губы, почесывал кудлатую голову, ярко сверкал синими глазами. И снова садился. Лошадка стояла смирно, меланхолично похлестывая себя хвостом по бокам. Но время слепней еще не пришло. А вились вокруг только комары, да и тех было немного в этот дневной час. Прямо на берегу был сооружен шалаш из веток. Рядом чернело кострище. Мальчик сторожил реку уже третий день. И не знал, напрасно или нет. Надо ли будет пускать воду? Пособлять Гобзе? Точно могли определить только те, кто сейчас где-то шли по ней с верховий. От этого зависело все. Вся его жизнь. Так казалось ему.

В прошлый год ничего не получилось. Ребята смеялись, мол, ишь чего пожелал, Сычонок, – так его все кликали в Вержавске, будто он – сынок сыча, совы, потому как только и умеет, что протяжно и округло посвистывать – точно как сыч. Крылышки еще не выросли, дабы так далеко слетать от Вержавска. Дома лови мышей. А от бабки он услышал, что реку мочно задобрить. Как? Да бросить кусок пирога в воду. Но только надо хорониться от русалок и держать в руках полынь и петрушку. И как голос послышится: что у тебя там? Отвечать: полынь. Тогда она крыкнет: брысь под тын! – и поскакает дальше. А ежели молвить: петрушка, – она и брякнет: поди сюды, душка, да ущекочеть вусмерть.

А так как он Сычонок и только и умеет, что свистеть округло и протяжно, то эти две травы и надобно держать: полынь показать, а петрушку переметнуть за плечо.

И он ведь так и сделал в этот раз. Только не пирог, а хлебушка и яйцо покрошил Гобзе, а травы, с осени припрятанные, всё держал в руке, пока они совсем в труху не превратились. Да и не явилась ему русалка. Только рыбы плескались в Гобзе, пожирая хлеб и яйцо.

Солнце светило сквозь белесую пелену жарко. По зеленеющим лесам гулко куковали кукушки. Пахло рыбой и свежей зеленью, землей. Лошадь пощипывала травку, разгребая мордой старые травы. Сеном-то она и так была сыта, всю зиму пробавлялась.

Если отец не велит скакать в Вержавск, к озеру, чтобы отмашку дать: открывайте заплоты! – то лошадь он здесь и оставит пастись, мамка к вечеру за ней придет.

Велит или не велит?

Сычонок снова встал босыми ногами на спину лошади.

Теплый влажный духовитый ветерок пошевеливал его вихры, дул в синие широко раскрытые глаза.

И вдруг на реке появилось что-то!

Мальчик весь напряжился.

Ну?

Ну?!

Но то плыло дерево с землей и старой травой.

Сычонок от досады ударил себя кулаком по ноге.

А вдруг отец и не покажется? Всякое может случиться в тех лесах, откуда течет Гобза. Злой по весне медведь любого заломит, ежели зазевался, остался с голыми руками. А не всегда же будешь с топором ли, с рогатиной. Или еще какая напасть приключится. Лес, он кишит и зверем видимым, и зверьем невиданным. В болотах Сливень промышляет, хоть священник Ларион и кадит своим дымом, бьет в колокол и, мол, всю нечистую силушку прогоняет. А бабка Белуха ему не верит и былых богов поминает. И про Сливеня ладно рассказывает. Живет-де тот Сливень в болотах и мутных озерах, его и по-другому называют: Яша. Сливень Яша по-доброму тех пропускает, кто с поклоном через болото по тропочке, по мосткам идет, с поклоном и просьбой пропустить, не творить злого, а особенно тех, кто чего-нибудь да пожертвует. А уж если черного петуха ему зарезать да положить в трясины, то и вовсе всю весну, все лето, осень всю можешь ходить, не оглядываясь, на болото: за тетеревом ли, за ягодой или так просто, по необходимости пройти.

Отец ей запрещает то говорить. И сам носит крестик и только богу Христу с овечками и кланяется, именем его и клянется. И Сычонок крещен священником Ларионом в церкви Илии-пророка на самом верху Вержавска. Спиридоном именован. А все кличут Сычонком. Хоть у него на шее и болтается грязная тесемка с железным крестиком.

И когда он хлебушек-то в Гобзу крошил да яйцо вареное, то старался за кустом держаться и не вставать. А как покрошил, отряхнул руки да вышел из-за куста в желтых пылящих сережках, то с опаской посмотрел в сторону Вержавска. А ну как круглолицый священник Ларион, с торчащими усами и жидкой бородой, сидит на колокольне и из-под руки сюды и зырит?

Сычонок даже как будто увидел колокольню, отражающуюся в водах озера, что растекается вокруг длинного и высокого холма, похожего на загривок великого вепря, а то и сохатого, и самого отца Лариона в черной заношенной шапочке. Прозвище у него – Докука. На том холме-загривке город Вержавск, обнесенный дубовым тыном, замазанным толстым слоем глины, и стоит. Ни с какой стороны не подступишься. К воротам ведут мостки над топкими хлябями, где и соединяются два озера: слева – озеро Поганое, озеро справа – Ржавец. Но и вокруг в редко разбросанных избах живут люди. А только за тыном-то покойнее. И тем, кто за городом живет, велено строго: если враг поперет, враз порубить свои лодки. А мостки разбираются.

Сычонок на колокольню с сынком Лариона, Ивашкой Истомой, забирался и тоже глядел вокруг. Ух ты! Дух от того зрелища занимается. Во все стороны уходят волнами леса, леса Вержавлян Великих, – так вся волость прозывается. Даже и до большой реки Дюны доходит. И конечно, леса Дюны с колокольни видать. А еще можно узреть и сам Смоленск, град княжеский, огромный. Так Ивашка говорит, мол, видал он маковки церквей на смоленских холмах в особенно ясную погоду. Правда, в тот раз Сычонок ничего и не разглядел, как ни пылился – до рези и слёз. А Ивашка тот славный Смоленск и ближе видел: ездил туды со своим батюшкой Ларионом. И кудесы¹ рассказывал. Мол, церквей тама, на холмах, видимо-невидимо, вот как боровиков в лесу после солнечного теплого дождя. И все в золоте, не то что деревянная церковь Илии-пророка в Вержавске. И река там под холмами – силища – Днепр. Кораблиц—тьма у причалов. И всяко-разные языки: немчура, варяги, греки, ляхи. Все товар туды-сюды таскают. И на торгу продают. А торг там – Вавилон, как баит батюшка. Крики – до неба. Кто что взять зовет: кто курей, кто меха, кто мёду, кто козу, кто крынки, кто воску. Нет в мире больше города, чем Смоленск. Ежели только Царьград, баит батюшка, чуть поболее. И ведь в тот Царьград смольняне и плавают по Днепру-реке. А домов в Смоленске – как орехов в урожайный год в Бельчатке, есть такое место неподалеку от Вержавска, орешник сплошной. И стоят среди них терема. А на самой высокой горе Смоленска – велий² храм Успения Божией

¹ Чудеса.

² Великий.

Матери. И всюду мостовые из дерева. И город обнесен крепкими дубовыми стенами, а в них множество ворот. И те ворота охраняют воины в шишаках, кольчугах, с мечами. Столько их, что хоть сейчас в поход куды-нибудь, а хоть и на Царьград!

И с тех рассказов Ивашки занемог Сычонок. Страх как захотелось все самому увидеть. Ведь даже его отец в Смоленске и не бывал ни разу. И мать не бывала. А Ивашке вон какая участь смладу выпала.

Но зато сейчас Сычонка ждало плавание к самой Дюне с отцом на плотах. Если Гобза смилостивится.

Да али не-а?

По примете – вязу на том берегу – да. Батька то и баил, что, если вяз пятку мочит, довольно воды, а если на солнышке греет – мало. Но уровень падает, того и гляди вяз пятку покажет. Потому и гарцует здесь Сычонок.

А в самую полную воду вяз и по пояс стоит в реке. Но тогда плоты гнать опасно, Гобза еще дурная, прет по лесам. Как в берега войдет, тогда и можно. Батька лучше других в Вержавске знает Гобзу, и Касплю, и Дюну. Дубы Вержавлян Великих он продает в Видбеске³ да в Полоцке.

И Сычонок бросает взгляд на вяз, вопрошая его: да али нет?

И уже сморило весеннее солнце мальчишку, слез он с лошади, заглянул в шалаш, да и прикорнул там... Как вдруг сквозь сон захрапела ему прямо в лицо Футрина⁴, она всегда предвещала дождь ли, сильный ветер и любую перемену, начинала ржать, бить копытом. Сычонок сразу очнулся. И точно: Футрина ржет, храпит. Высунул голову из шалаша и сразу увидел: плывут.

Плывут.

Плывет батя Возгорь Ржева, как его все прозывали, хотя Ларион звал только Василием, именем, данным в крещении. Вон он стоит на плоту, рослый, совсем голый, мосластый, с русой рыжеватой бородой и только в шапчонке, заломленной набок. А Зазыба в одной рубахе. Жарко ведь. Сычонок выскочил из шалашика, задохнулся, не знает, что и делать. К воде ли бежать, или к Футрине – да и скакать в Вержавск с криком: подымай заплоты. Да только нету у Сычонка крику. Один свист совиный. Ну, или стон протяжный дурной. Но махнет на заплотах, и те сразу уразумеют, пойдут подымать, пускать воду. И тогда Сычонок снова в Вержавске останется и так и не увидит ни реки Каспли, ни реки Дюны, ни Видбеска, о котором бают, что тож город поболее Вержавска.

Ну?!

И Сычонок в батьку своего вглядывается, красного от солнца, с мокрой бородой.

А тот правит к берегу. Сквозь усы и бороду белеет зубами его улыбка.

Плот ткнулся в берег. Сычонок глядит на него во все глаза, наструненный, как пес на охоте.

– Чего мешкаешь? Ристай мигом! – кричит Зазыба Тумак.

Сычонок враз погас, понурился.

Одноглазый чернявый Зазыба улыбается. Зубы у него побиты. Очень драчливый мужик. И глаз-то утерял в сваре. Самый верный друг бати.

– Да ты спишь ли, Спиридошка?! – кричит отец. – Не чуешь? Давай треножь Футрину и ристай на плот-то! Али передумал?

Сычонок моргает. Так ведь *ристай* – и беги, и скачи, и ходи быстро, как сразу поймешь? Но уже он кинулся к Футрине, ловко треножит ее, чтобы куда не забрела. Хотя никуды и не уйдет, смиренная скотина, если только гроза не идет на смену солнцу. Даже не стреноживать ее

³ Витебск.

⁴ Непогода.

было бы лучше – сама домой под вечер пришла бы. Но мамка все равно по вечерам к нему сюды приходила с едой. Не мог Сычонок и на чих отсюда отлучиться – а ну как раз и придут плоты?

И он сбежал к реке, перепрыгнул полоску уже растущей воды меж берегом и плотом, поскользнулся на мокрых бревнах и упал, зашиб больно ногу. Но тут же его подхватила сильная рука Зазыбы. Тут Сычонок спохватился, что забыл в шалаше узел с едой и сменной рубашкой. Да разве крикнешь? Только засвистеть и может. И он засвистел, ровно сыч, – протяжно и округло, указывая на берег и шалаш, взмыкнул бычком. Но берег уже отдалялся, течение влекло тяжелый дубовый плот дальше.

– Чего там? – спросил отец.

Сычонок знаками показал, что рубаха и еда.

Но отец только махнул.

– Мамка все заберет! А то от него, вишь, прещение⁵!

И он указал на солнце. Солнце лакало Гобзу. Но, значит, не так уж и сильно, если не надо подымать в Вержавске заплоты. И тут только мальчишка перевел дух, оглянулся. А сзади идут другие плоты.

А река Гобза-то, знать, приняла жертву Сычонка! Ай да бабка! Все бабы, хоть и молодые, лучше помнят старое, бывшее прежде Христа с овечками и голубками, что так не любит Ларион.

Спиридон на реке! Идет вместе с батей в далекие дали! Свершилось! Сколько помышлял мальчик об этом. Мамка была против, мол, делов в дому и так много. Но отец на этот год с ней не согласился. Сказал, что уже пора сынку перенимать речную мудрость от батьки. Дед Могута тоже взял отца на плот, когда он был таким же, а то и меньше.

И всё сбылось.

⁵ Угроза.

2

Несет Гобза плоты дубовые сквозь леса еловые и сосновые. За первым ладно сбитым плотом тянутся уже и не плоты, а дубы связанные, целая вереница. Первый плот их за собой ведет. И два плотогона – Возгорь Ржева-Василий да Зазыба Тумак-Андрей – впереди, а замыкает этот могучий косяк дубов плот с одним Страшко Ощерой, жилистым мужиком с водянистыми глазами.

Дубы-то все в верховьях растут. Видбичи и полочане ценят крепкое дерево, хорошо платят, из самых толстых стволов лодки долбят; терема строят, столы мастерят, скамьи – нету им сносу. А еще везут мужики и мягкую рухлядь всякую: бобровые шкуры, беличьи, рысьи и горноста. Все за зиму набили.

Сычонку тоже хочется плотом править, да нету еще одного шеста. И мальчик только глядит по сторонам с радостно бьющимся сердцем. Сбылося, сбылося! Привезет мамке янтарные бусы. Говорят, вся Дюна и есть такая дорога – янтарная. Везут откуда-то с Варяжского моря сей солнечный камешек – по всей Дюне. А то и рыжей соседской Светохне один камешек подарит?.. Ну, чтобы она язычок прикусила да не дразнилась.

Поворот реки – и в воде стоят темная лосиха с двумя светлыми лосятами. Она дико оглянулась, выворачивая аж белки, и шарахнулась по воде и вверх на берег. Один лосенок – за ней, а другой все дальше. А там уже глубина. И он поплыл.

Сычонок засвистал от восторга, замахал руками, оглядываясь на батьку. Тот в ответ лишь засмеялся. И плот догнал лосенка. А лосиха с другим лосенком берегом так и ломилась сквозь кусты, перевитые прошлогодними травами. Сычонок на батьку глядит. Что делать-то? Схватил мешок, там топор на длинном топориче.

– Не леть⁶! – крикнул батька.

Эх, жалко-то как! Добыча-то какая! Сычонок раздувает ноздри, смотрит то на батьку, то на лосенка, плывущего совсем рядом, – вот его большие, просвечивающие на солнце, отраженном в воде, уши. Протяни руку ихватишь. А уж топор точно достанет до светло-рыжей головы с большим носом, трубами-ноздриями, огромными глазами. Вода под лосенком так и бурлит. Ай, батька?!

Но тот отрицательно качает головой.

– Не будем его женуть⁷!

И дубовый, тяжкий плот оставляет лосенка позади. Сычонок оглядывается. Чернявый Зазыба глазом так и сверкает. Но и он не трогает лосенка. И лосенок наконец плывет к берегу и выбирается на землю. И все лоси скрываются в чащобе. Но вдруг над Гобзой раздается сильный трубный звук. Это лосиха так проревела протяжно, то ли со страху, то ли в знак благодарности.

И Зазыба в ответ что-то рявкнул громово и расхохотался.

А Сычонок обидчиво на батьку поглядывает, хмурится. Эх, не дал тот ему проявить удаль.

И тогда Возгорь, батька, ему говорит хрипловато:

– Не кручинься, сыне. Есть у нас мясо. Куды больше?

И плот идет дальше, вода пенится вокруг бревен, хлупает. И Сычонку мнится, что под ногами туши каких-то живых зверей речных, а может, гигантские сомы, почерневшие от времени. И батька их связал и запряг. И те ему повинуются. Плывут дружно, куды нужно. А сам батька – как речной бог. Может, и у Сливеня-Яши на службе. Кто ведает об этих богах разных-всяких. Ларион поучает об одном боге, а старики бают про других, коих множество

⁶ Нельзя.

⁷ Гонять, преследовать.

повсюду затаилось: и в реке, и в болоте, и в лесах, и в тучах. И все они сейчас на них и глядят отовсюду: из еловых лап, из-под коряг, из трав прошлогодних, из мутных вод. Но с батькой они ему не страшны.

Хотя в воду мутную лучше не опускать руку – сом враз и отхватит или утянет на дно. Сомы в лунные ночи на берег выползают, про то все мальчишки Вержавска ведают. Сомы живут и в Поганом, и в Ржавце. И как луна закруглится, они сквозь тростники и пробираются – схватить курицу ли, кошку, собаку, а то и зазевавшегося паренька либо девчонку. Так-то без луны они плохо на земле видят. И потому луна им верная пособница. Сычонок в лунный вечер к воде и не приближается. Их изба не за тыном города стоит, а сразу на берегу Ржавца. Это другим, что живут там, на холме, хорошо хоть в луну, хоть без луны. Нечего бояться. Ни лихих шишей с дубинами, ни сомов.

Плоты идут по Гобзе под жарким весенним солнцем. Впереди серые цапли снимаются, летят, изогнув змеиные свои шеи. То ли протозанщиками⁸ летят, то ли кого оповещают, поди разбери.

На солнце сосны растопились, густо пахнет смолой и хвоей, хоть режь воздух аки мед. Сычонок наклоняется, черпает воду и лицо умывает, льет на голову. А вода холодная еще.

– А ну! – кричит батька и к себе его подзывает, отдает шест и велит плот держать посередке реки.

Река тут вытягивается длинно и прямо. И Сычонок берет шест. А он тяжелый. Это только в руках у бати и Зазыбы шесты как пушинки летают. Но Сычонок не подает виду, оглядывается на батю.

А батька снимает шапчонку и бросается в воду, и плывет рядом, фырчит, как зверь какой, мотает головой. Борода распушается по воде. Плечи краснеют сквозь мутную воду. Сычонок зело рад и горд: сам правит! Но вот батька снова на плот забирается, трясет головой, с бороды его в разные стороны летят брызги. Пятерней он отбрасывает мокрые длинные волосы с лица, потягивается, забирает у сына шест, а тот противится, не отдает. Но батька легонько его отпихивает.

– Тут покуда таков наряд⁹ для тебя, – говорит. – Позоруди¹⁰ в оба да на ус наматывать. Реку запоминай. Будешь и сам тута ходить, как дублий¹¹ станешь.

Плывут, плывут дубовые плоты Вержавлян Великих дальше, вниз по Гобзе.

И за очередным поворотом высокий берег открывается. А там стадо коров пасется на свежей-то травке. А пастуха не видно. Коровы, отощавшие за зиму, срывают новую зелень, пережевывают. Плоты проходят мимо. Откуда-то наносит дымком жилья. И слышен брех собачий. Сычонок оглядывается. И вдруг видит пастуха. Мальчонку, как он сам, в треухе, в портах, в рубаше с ободранными рукавами, с кнутом через плечо. Они смотрят друг на друга. И пастушок вдруг взмахивает кнутом. Тут же раздается хлесткий удар в воздухе. Сычонок понимает, что пастушок этот удар ему и послал. И тогда он кажет в ответ кулак пастушонку. А тот разевает рот в щербатой улыбке и снова хлестко бьет воздух. Дурень закоснелый! А Сычонок все ж таки – житель города Вержавска. И потому он больше никак не откликается на вызов пастушка, хоть и думал плюнуть в его сторону и козью рожу соорудить. Да удержался. Только глядит на дурачка в треухе средь жующих тощих коров. А потом и вовсе отворачивается с достоинством.

Он не пастух, а плотогон. Гость¹² для этого дурня вшивого! И, подбоченясь, он стоит на плоту, широко расставив ноги, смотрит на реку.

⁸ Стражами.

⁹ Порядок.

¹⁰ Смотреть.

¹¹ Крепкий, сильный, искусный.

¹² Здесь: купец-иностранец.

Сычонку запеть захотелось. И он знал песни. А мог только посвистать сычом. Что и сделал: протяжно посвистал. Покосился на батю. Тот кивал, улыбался угрюмо, словно понял все.

Как так случилось, и он лишился речи?.. Никто ему не рассказывал. Сычонок силился сам вспомнить, но лишь представлял какую-то громаду, что вдруг обрушивалась с неба, как тяжелое облако. Или иное ему блазилося: будто ратай¹³ рот перепахал, а ничем не засеял, выкорчевал речь-то и так и бросил. Зачем? За что? То неведомо. Сычонок у всех это выпытывал, у мамки, у бати, у бабки Белухи, да то ли они не понимали хорошенько, то ли не хотели понять. И язык-то у него живой, мокрый, чуткий. Холод ли сосульки, жар ли печеного яблока чувствует. А не баит! Ничего. И все над ним смеются. И рыжая Светохна: то все кивает и даже учится жестами с ним разговаривать, хотя он все и слышит, но вроде ей самой интересно. А то начинает дурить, строить рожицы, дразнить его *белоглазой рыбой, раком, попином, взявшим обет*.

Уж ладно Сычонок кличут за свист. Сыч все же птица, и ее даже и опасаются, мол, с духами ночи знается, с лешими водится, русалкам посвистывает на ихних игрищах русальих. Но *рыбой белоглазой?! Раком?* Ён не говорит, но ведь не пятится же? Якая же Спиридон рыба? Якой рачище?

И рад-радешенек бысть теперь Сычонок, что все злые мальчишки и девчонки остались там, уже далече в Вержавске. А чтоб им самим языки поотшибло! Чтоб их сомы при луне утаскали. Пусть-ка сами помычат телятами, погыкают. Тогда спознают, что такое жить без речи, человеком выглядеть, а быть вроде скотины.

Спиридон уже и вообще не хотел в Вержавск возвращаться. Может, в других местах к безъязыким по-другому относятся. И еще он надеялся на что-то такое в дальних краях... На что-то чудесное. Рассказывают же всякое о заморских краях, что там зверей огромных приручают, величиной с избу, ездят на них, что иные и на морских огромных зверях катаются, запрягают их в ладьи, а иные и птиц запрягают, лебедей, и под облака вздымаются. А есть мудрецы, что язык зверей и птиц разумеют. Вот бы у такого выучиться! Тогда и люди ему не надобны будут, с птицами и медведями станет Сычонок переговариваться. И так-то он умеет как сыч посвистывать. И ведь сычи ему отзываются! Только сколько он не слушает их ответы, а уразуметь не умеет, что те ему высказать силятся.

Такие смутные и волшебные были у Спиридона предчувствия. Дорога его потому и манила.

И сейчас на дубовом плоту подле отца он полон был света и радости. Только бы еще править батя ему дозволил.

И Сычонок снова показывает, что и ему шест надобен. Отец усмехается, да и говорит Зазыбе Тумаку:

– Слышь-ко, дай младу богатырю правило.

Зазыба Тумак оглядывается, подзывает мальчика. И отдает ему крепкий шест.

– Правь!

И мальчик погружает шест в воду, старательно толкается.

– Да не спеши, – говорит хрипло Зазыба. – Следи за рекою... Как поворот, так и зачинай легонько толкаться... Вот так. Давай.

И Сычонок действительно помогает плоту медленно поворачивать с рекою. А не успевает, так Зазыба ему помогает.

¹³ Пахарь.

3

Плыли они до позднего вечера, пока уже сумерки совсем не сгустились и не защелкали соловьи дружно. Тут и комарье разъярилось, набросилось.

– Ровно половцы! – восклицает Зазыба Тумак, хлопая ладонью по шее.

О половцах Сычонок слышал, что зело злые воины на быстрых степных лошадаках, с луками, копьями, сабельками, разоряют земли у Киева, а сюды не доходили еще. Только где-то в верховьях Волги некий князь их провел на брата.

– Ладно! Айда на берег! – восклицает батя Ржева.

И головной плот поворачивает к берегу, тычется слепо.

– Вервь! – говорит Зазыба Тумак Сычонку. – И к дереву!

И тот берет веревку, соскакивает на берег, карабкается до ближайшего дерева и начинает мотать веревку вкруг ствола.

– Давай, давай, – подбадривает батя.

Плот смирно стоит у берега. Но уже его начинает потихоньку разворачивать.

– Беги на середку и так увязывай! – велит батя, давая сыну еще веревку.

И тот спешит по берегу, спотыкаясь в темноте, цепляясь за кусты, хрустя прошлогодними травами. Где-то на середине батька его окликает и там вязать велит. Сычонок лезет в холодную воду, заводит веревку под крайнее бревно, обвязывает его и выбирается на берег, ищет деревце, озирается. Вот серебрится березка, к ней и привязывает веревку. А с последним плотом управляется Страшко Ощера. И весь караван дубов стоит, яко тихое стадо. И как будто даже дышит в темноте.

Сычонок идет, а ноги заплетаются, руки виснут. Уморился страшно за этот день.

Зазыба уже под хворостом искру высекает, бьет кресалом о камень над мелкой стружкой и берестою. Скрежест кресало о камень.

– Ну, чего? – спрашивает, подходя, Страшко Ощера.

Зазыба упорно бьет.

Страшко Ощера хмыкает.

– Надоть ходатаем быть к огню, – говорит.

Голос у него высокий, резкий, сварливый.

– Чего ишшо? – буркает Зазыба Тумак.

– Испроси удачи.

– У кого?

– Да у ёго, у Перуна, али Сварога.

– Уж лучше у Илии-пророка, он тебе искр с-под колес насыплет, – говорит отец Сычонка.

Страшко Ощера мотает головой, теребит жидкую бородачку.

– Не-а, у Сварога.

Искры слетают из-под рук Зазыбы Тумака, но трут не горит.

– Дай сюды свою бороду! – говорит он Страшко Ощере.

– Тьфу! Дурень калный! – ругается Страшко Ощера. – Свою подставь.

– Последи же яко вихрем на огненной колеснице взят быв, на высоту небесную со славою возшел еси, – вдруг громко начинает молиться отец Сычонка. – Сего ради мы, недостойнии и грешнии, смиренно молимся тебе, честный Божий пророче: да обретше тя великаго ходатая, богатыя милости от Господа сподобимся. Тем же и ныне, славно ублажающе тя, молим: дай огню!

И стружка наконец занимается огнем.

Отец Сычонка с улыбкой глядит на Страшко Ощера. А тот отвечает на его взгляд:

– Дак и я у Перуна огню попросил.

– А мы не слышали, – возражает отец Сычонка.

Огонь уже освещает одноглазое лицо Зазыбы Тумака, он щерит лоб в щербатой улыбке.

– Мы про тебя все Лариону поведаем! – грозит отец Сычонка. – Пушай шкуру-то с тебя спустит.

Но, кажется, он просто шутит. И это у них застарелые такие шутки, перебранки. Так что Страшко Ощера только отмахивается от угрозы. Али от комарья. Комариное полчище все вьется, лезет в уши, в рот, за шиворот.

Над Гобзой между верхушками елок повисает тонкий прозрачный месяц. И соловьи, словно приветствуя его, бьют сильнее. У них в горлышках как будто студёные родниковые воды так и kloчочут вперемежку с камешками и колокольцами. У костра кашеварит Страшко Ощера. Он умелец готовить корм. Сыплет крупу в котел, молодую крапиву мельчит ножом, убирая с лица свисающий чуб, – а остальная часть головы у него совсем лысая. Режет мясо. Оказывается, они там в верховьях добыли косулю, напластали мяса. И надо его побыстрее съесть, пока не испортилось.

У Сычонка живот подвело, слюнки текут. Ждет не дождется, когда уже всё будет готово, как заговоренный бродит у костра.

– Ты давай, давай хворосту! – покрикивает Страшко Ощера.

И мальчик прет сквозь кусты, начинает ломать сухие деревца, хоть сил у него нет никаких уже.

А отец с Зазыбой Тумаком ладят шалаш. С речных заводей доносится криканье уток. Иногда в реке бухает рыба. Гобза – река рыбная, богатая. И зверь любит здесь селиться, выдра, бобр. Зимой отец бобра промышляет. За бобровые шкуры знатно платят.

И вот наконец-то Страшко Ощера всех зовет на пированье. Они рассаживаются у костра, разбирают ложки. А Сычонку не достается. Свою-то забыл в узелке.

– Впредь будешь умнее, – говорит отец. – Жди теперь.

– Да ладно... вот у меня есть... – произносит Зазыба и достает плошку деревянную. – Держи, черпай.

– Ого! – смеется отец. – Такой-то ложкой только богатырям есть.

– А ён и вырастет таковым-то, – подает голос Страшко Ощера.

– Скорее молчальником в монастыре сделается, – отвечает отец. – Погоди, – добавляет он, – дай сюды...

И забирает плошку, своей ложкой начерпывает похлебки душистой, кладет туда куски мяса и возвращает сыну. От хлеба отламывает ломоть и тоже протягивает ему. Сычонок держит обеими руками плошку, чувствуя тепло. Приникает губами к вареву. Обжигаясь, пьет. Ай, вкусно! Ничего вкуснее не пробовал на свете Сычонок. От жара глаза слезятся. На лице испарина. Дует на варево. Хочет уже пальцами поймать мяса, но отдергивает. Ух, жаркое. Снова дует. Пьет осторожно. Откусывает хлеба.

А мужики едят неспешно, переговариваются под треск костра и соловьиные песни. Обсуждают плаванье по Гобзе. Хвалят реку. Воды вдосталь. И погода хорошая. А то как зарядит дождь. Да дохнёт хлад. Но то начнется с черемухой. А покуда она не зацвела. Глядишь, и управятся до холодов дойти до Дюны хотя бы.

Доносится среди соловьиного пения загадочный свист. Страшко Ощера подымает вверх палец, призывая всех к тишине. Все умолкают. Трещит костер. Свист не прерывается... Страшко Ощера оглядывается на Сычонка, лыбится.

– Што ён сказывает? – спрашивает у Сычонка.

Да, это сыч свистит. Сычонок, облизывая жирные пальцы, слушает, но ничего не отвечает ни Страшко Ощере, ни сычу.

– Не замай, пушай ест, – возражает отец.

– А разумел бы грамоту, все и поведал бы нам, – замечает Зазыба Тумак.

– Еще успеется, – отвечает отец. – К Лариону зимой пойдет учиться. А пока вон – урок плотогона.

– Ничему ладному поп его не выучит, – говорит Страшко Ощера. – Всё у него пустое.

– Но грамота-то не зряшная? – откликается отец.

Страшко Ощера мотает чубом, жует хлеб с мясом.

– Вельми знахарь надобен.

– Ха, да идеже такого взять, чтоб язык исправил? Оживил? – отзывается отец, блестя в отсветах костра глазами.

Страшко Ощера зачерпывает ложкой варева, хлебает.

– Да есть такой человек, неужто не слыхал?

Отец вопросительно глядит на него сквозь дым.

– Хорт, – говорит со значением Страшко Ощера.

– Х-о-о-рт?.. Што за зверь?

– Хорт за Смоленском, – продолжает Страшко Ощера. – Велий волхв и чаровник, кудесник. Сказывают, хромоту вправляет, с глаз слепоту убирает, расслабленного в силу приводит.

– Во-олхв? – протягивает отец. – Ку-де-э-сник? Собака?

– Зачем так-то баишь, – остерегает его Страшко Ощера. – Не Собака, а Волк.

– И так, и эдак можно разуместь *хорта*, – отзывается отец.

– Не-ет, – отвечает Страшко Ощера, качая головой и глядя в сторону молодого свежего месяца. – Этот никак не собачьей породы, а волк и есть: Хорт.

– Волколак? – уточняет Зазыба Тумак, обгрызая кость дымящуюся.

Он и сам похож на какого-то оборотня, черный, одноглазый, взъерошенный.

– Как тот князь полоцкий? – вспоминает отец.

– Кто таков? – спрашивает Страшко Ощера.

– Да как... уж всяко познатнее твоего Хорта. А ты и не ведаешь?

– Князь из Полоцка?

– Он самый.

– Я до Полоцка не ходил, – отвечает Страшко Ощера. – А вы там про него проводили?

– Тама, – подтверждает Зазыба. – Князь-оборотень Всеслав.

Он немного шепелявит из-за выбитых передних зубов. И князь у него получается какой-то коновязью: князись. И все в таком же духе. Новый человек и не поймет сразу его речь. Но все свои привыкли. Сычонку нравится его слушать.

– Брячиславич, – добавляет отец. – Всеслав Вещий, Всеслав Чародей...

И начинаются истории про князя-волколака из Полоцка.

Он-де родился при волхованье с короной, горевшей рубинами, на голове, в полнолуние, когда волки вокруг Полоцка ходили свадьбой и пели на все лады. И младенец сразу покусал до крови сосцы матери, так что та отдала его кормилице, чей муж был Лютичем, охотником, как волк, даже имя такое у него бысть. И младенец враз успокоился. А подросток – упросил взять его на охоту. На тура шла княжеская охота. В ту потеху княжич и пропал. Остыли охотники, глядь – нету княжича с короною. Бросились по дебрям искать, всё излазили, да сыскали только его лошадку. Куды подевался? А разверзлась футрина. Гром и молнии, ливень страшный. Осенью-то. Да утром так и вовсе запуржило. Ежели кто вымок в ночь ту, то уж никак ему не выжить в дебрях без огня. И нигде ни дымка. До жилья далече. Тот Лютич там тоже был. И вот в одном месте увидел он след – волчий. И вошло ему в ум по следу тому пойти. Так и очутился Лютич на ручье. У того ручья берег высокий, обрывистый. И там нора. Изготовился Лютич волка бить, подкрался, кинул ветку... А из той норы-то глас человеческий и послышался. Ругается кто-то. Лютич – глядь: княжич с короною своею высовывается. Говорит, что слез по надобности с лошади, не привязал, та и ушла, и он заплутал, в дождь к норе этой вышел да и сховался. Лютич спрашивает, кто же там ишшо прячется? Княжич молвил, что никого. А

сам глаза все отводит, все косит куды-то в сторону. Тут Лютич и смекнул: эва, а княжич-от того... волколавый. И только от норы они ушли, как вой позади и послышался. Княжич-от и лыбится: «Дядька».

Так дальше у него и пошло. С Николе Зимнего, как начинаются волчьи праздники, так ён не в себе делался, пока не оседлают коня, да тогда на охоту выпорхнет и поминай как звали, аж до самого Крещения. И всё с тем верным Лютичем, уж стариком, но всё таким же дублим¹⁴. И люди по деревням сказывали, что видали их обоих во главе великой волчьей стаи в заснеженных полях. Кто спорил, не верил, тех убеждали вот чем: ён, ён был, князь Всеслав, ибо рубинами над его головой горели звезды, сиречь та корона, даденная еще во чреве матери, с коей ён и на свет божий явился.

Знался князь с тайными силами, знался. И сам балий¹⁵ бысть. А как иначе растолковать явления пред разорением Новгорода? Вдруг Волхов вспять пошел. А уж накануне захвата ночи напролет в небе горела и горела алая звезда – одна из короны, не иначе. И Новгород пал под натиском дружины Всеслава. И разорение там было страшное, будто и не люди христианские напали, а вся дружина и была волчьей. Они и колокола с собора Софийского имали, к себе в Полоцк свезли. И звон тех колоколов из Софийского собора на Верхнем замке в Полоцке отец и Зазыба Тумак сами слышали...

Сычонок слушает и уже по сторонам сторожко озирается, к бате и костру жметя. А над ними звезды так и горят, и месяц в Гобзе колышется. Вода пробулькивает у плотов, шепчет что-то. А соловьи все не унимаются, щелкают с переливами, так красиво, будто их уже одолевает смертная истома. Мешают слушать-то ночь... Но пока огонь горит и батька не спит, ночь не так и страшна.

А батька еще рассказывает про того князя-волка, что-де и в Киеве тот на столе сидел, сами киевляне того восхотели, из темницы князя вызволили, куда заманили его враги. И киевляне те князем его над собой поставили. Такая в нем сила была чудесная. А потом ему и самому прискучил Киев и вся власть, бросил все и убёг. Убёг волком серым в свой Полоцк. Но сперва с набранным войском посягнул снова на Новгород, да неудачно, и новгородцы его схватили. Ну? Так и отомстили же за поруганную Софию? За кровь и грабеж? То-то, что и нет! Отпустили! Такова была его чародейная сила. И вернулся князь в свои поля волчьи над Дюной. Только Лютич его уж помер. Но он и сам управлялся на своих волчьих праздниках, до стен Смоленска дорыскивал, правда, взять города так и не смог ни разу. Но добычу вез и вез отовсюду в свой Полоцк. И города новые ставил. Земля полоцкая при нем расцветала, богатела. Дюну до моря покорил. Дань на литву наложил.

...И не помер, а серым обернулся, так и скачет по двинским полям...

– И к нам забегает? – спрашивает, потягиваясь, Страшко Ощера.

– Не вызывай волка из колка, – роняет Зазыба Тумак.

– А может, и с твоим Хортом смоленским переведывается, – откликается, зевая, отец.

– Или это ён самый и есть? – встряхивается Страшко Ощера.

– Где же там поживает?

– За Смоленском, вверх по Днепру есть село Немыкарское. От того села до Долгомостья, а тама чрез болото велие и ведут мостки к двум горам Арефиным, меж их тот Хорт и проживает.

– Откудова те ведомо, Страшко Ощера?

– Люди сказывают...

– Да я слыхал, твоя Кудра куды-то в Смоленск и хаживала вымаливать чадо? – вдруг оживился Зазыба Тумак. – Страшко Ощера?! Ай, говори, к Хорту и ходила, а не к Борису-Глебу?

¹⁴ От «дублий» – крепкий, сильный.

¹⁵ Колдун.

Страшко Ощера смотрит в костер, сучья подбрасывает и молчит. Чуб его в отсветах огненным кажется. В глазах красные червячки кружатся.

– Скажи, клянemся Перуном и Дажьбогом, Докуке не поведем, – просит Зазыба Тумак.

Страшко Ощера усмеxается, дергает себя за огненный чуб.

– Да что тебе хоть Перун, хоть Дажьбог?

Зазыба Тумак смеется, показывает пролом в зубах.

– Тебе Докука пролом и содеял, – продолжает Страшко Ощера. – Тутa!

Он ударяет себя в грудь.

– И ведь Кудра-то понесла... – бормочет отец.

– Не на того ли Хорта твое чадо и похоже?

– Так девочка у меня, – отвечает Страшко Ощера.

– Ну-ну...

– Так и ты бы мальчика свез, – говорит Страшко Ощера.

Отец машет рукой.

– Нету моей веры старым колдунам трухлявым.

– Так что ж тебе твой бог с овечками не поможет? – спрашивает Страшко Ощера. – Почто не отомкнет мальцу рот?

Возгорь Ржева развел руками.

– Ларион Докука сказывает, на то есть особая, выходит, Евойная воля.

– Как так?

– А вот так. Выходит, это зачем-то надобно. Промысл таков Божий. Или мука нам всем.

Сказал и перекрестился отец.

А Страшко Ощера плюнул.

Костер пригас, речи умолкли. Еще немного у рдяных угольков посидели и пошли кто куда, кто в шалаш полез, кто отошел справить нужду. Сычонок отливал в траву и вверх глядел. А там все посверкивают рубины-то – ровно сам Всеслав на них сверху смотрит, медленно поводит головой в кровавой короне. У Сычонка даже волоски на спине дыбом поднялись. И он побыстрее юркнул в шалаш, притулился на овчине, а с краю вскоре лег отец.

Полежали, покряхтели, устраиваясь...

И Зазыба Тумак мощно захрапел сквозь прореху в зубах-то.

– Завел былину! – воскликнул Страшко Ощера со своего края.

– Ткни его там... – попросил отец Сычонка.

Мальчик и вправду сунул кулаком в храпящий бок. Да куда там. Зазыба Тумак храпел и храпел. Кто-то что-то еще говорил... Кашлял... А Сычонок уже разбежался и прыгал на уходящий плот... да и не плот это был, а лодка-однодеревка. И наладился он в ней плыть далеко-далёко. Да только оказался почему-то под холмом Вержавска. И там снова его мальчишки дразнили по-всякому, и среди всех особо старалась рыжая Светохна. Вот дура-то поганая.

4

Пробуждение было мучительным. Сычонок не мог пошевелить ни рукой ни ногой без боли. Все тело ныло. И было еще совсем рано, даже солнце не поднялось. А все плотогоны уже вышли из шалаша. Доносились их голоса, кашель. И соловьи снова пели на все лады. Всю ночь хоры не унимались. Не устали и под утро. Сычонка будил отец.

– Давай, давай, продирай глаза, ладейщик. Хватит дрыхнуть!

В этот миг Сычонок пожалел, что напросился в спутники к плотогонам. Зябко поеживаясь, кривясь, он выбирался из шалаша, вставал, почесываясь... Над Гобзой стлался туман. Только и виден был первый плот. Над туманом темно зеленели ели. Дым костра смешивался с туманом. Сычонок отошел, помочился и сразу шагнул к костру, вытянул руки навстречу жару.

– А ну брысь умываться, свиненок! – прикрикнул отец.

Пришлось спускаться к реке, да отец снова окликнул и велел зачерпнуть с краю кострища золы. Мальчик так и сделал. Зола была теплой. Он вернулся к реке, наклонился над водой, тер руки с золой, смывал все, потом плескал водой на лицо, морщась, как от пытки.

Смаргивая с ресниц капли воды, он снова прильнул к костру.

Зазыба Тумак ухмылялся, глядя на него. Черные вьющиеся длинные его волосы были мокры, здоровый глаз так и сверкал. Страшко Ощера тоже выглядел бодро. Чуб закинул назад. Поглаживал жидкую бороденку. На огне грелась в котле вчерашняя похлебка. Отец резал хлеб.

Страшко Ощера снял котел и поставил его подле костра.

Отец скороговоркой читал обычную молитву: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Страшко Ощера шурился, помешивая ложкой в котле.

– На, держи-ко, – сказал отец после молитвы, подавая сыну выструганную белую новенькую ложку.

Когда успел?

И все приступили к трапезе. Скоро поели. Шалаш бросили, плоты отвязали и двинулись в путь. На первом плоту теперь были отец с Сычком, а на последнем Зазыба Тумак со Страшко Ощерой. Но только отплыли, плот забрал вправо и снова ткнулся в берег.

– Ты чего?! – воскликнул отец.

Сычонок насупился. Сил у него совсем не было править. Только и мог кое-как удерживать шест. Вчера умаялся. Он виновато оглянулся на батьку.

– Э-э-э, – протянул отец. – Не добле¹⁶! Ты ровно малое дитятко.

Сычонок чуть не плакал.

– Ты потихоньку... разойдешься, ну! – сказал отец убежденно.

И они снова отчалили. Превозмогая боль, Сычонок отталкивался шестом. Отец умело пособлял ему, и вскоре вереница плотов вытянулась по туманной Гобзе. Сычонок оглянулся, но последнего плота и не увидал.

Было холодно. Да в небе уже появлялись синие разрывы. О, скорее бы солнышко хлынуло. О, сюда, сюда, солнышко. Только солнце пока не спешило. Озарило лишь самые верхушки елок, и шишки на ветвях озолотились.

Вот найти бы в лесу ель с золотыми шишками! Построить ладью, нагрузить ее хлебом, салом, да и плыть в незнанные края... за Смоленск, в те Немыкари, а оттуда и к этому Хорту. Дать ему две шишки, пусть наведет свои чары и вернет Спиридону речь. Как же надоело ему быть скотом безмолвным! Слово бы молвить, песнь спеть. Иногда Сычонку просто невмочь

¹⁶ Не доблестно.

было, как много слов хотелось выпустить на волю. Они бились в нем, как тугие рыбины, роились, как пчелы или птицы, – целая стая свиристелей, а может, и соловьев, иволгов, петушков, журавлей и лебедей.

Такое ему иногда и снилось: вдруг горло чешется, чешется – и что-то как будто шелкает, ломается, освобождается, с места сдвигается, и он начинает говорить, говорить, говорить. Говорит без умолку. Идет по Вержавску и говорит, говорит, и все вержавцы рты разевают от изумления, как ладно и сильно он говорит. А рыжая Светохна аж дрожит от страха, зубками клацает. Вот как он говорит.

И – очнется, миг соображает, шевелит языком... открывает рот... А слышно только какое-то сипение, словно давят петушка на дворе... И по щекам от досады и злости текут у него слезы. Сычонок и есть. Никогда не быть ему Спиридоном.

Плот движется в тумане. Кажется, впереди река обрывается куда-то в провал или просто заканчивается. Но плот идет, покачиваясь, и вода продолжается.

...И вот сильнее озолотились ели, и где-то закричали журавли. Они всегда поют восходящему солнцу. И провожают его вечером своими криками. И солнце начинает потихоньку оплывать с елей, как мед с ложки, течет по стволам, течет... И туман становится как масляная каша. И как будто кто овеивает щеки Сычонка теплым дыханием. Он даже жмурится как кот. Туман все сильнее согревается. И начинает исчезать. Клубится, курится... А тепло уже и под рубаху идет, по рукам, к животу льнет, на коленки спускается. И все тело мальчика вдруг сотрясает дрожь. Так всегда уходит озноб. И делается ему тепло, хорошо. И мышцы уже не так ноют. Только ладони саднят. Но что ж, Сычонок – истый вержавец, умеет терпеть.

И уже нет тумана на Гобзе. А над Гобзой синее небо, светит лучистое чистое весеннее солнце. И тут бы что-то сказать, выкрикнуть, запеть... Но Сычонок молчит. Плотнее губы сжимает.

Вода достаточно высока. И вереница плотов тянется по Гобзе, огибает мысы.

Навстречу плывет мохнатая голова, блестят усы, глаза. Сычонок замирает... Бобер тоже замирает, увидев движущуюся на него громаду, и в тот же миг скрывается в воде, оглушительно ударив хвостом.

Сын оглядывается на отца Ржеву.

– Пущай до зимы плавают шапка, – откликается Возгорь Ржева.

Они плывут дальше...

Внезапно раздается пронзительный свист, и в бревно посередине впивается что-то. Стрела! Дрожит оперение. Отец окидывает взором лесистый берег. Лес высится стеной.

– А ну не балуй-й! – кричит отец.

Сычонок напряженно озирается, втягивая невольно голову в плечи.

Лес молчит. Но отовсюду как будто сквозят глаза. Плот идет дальше, и ничего больше не происходит. Сычонку хочется получше рассмотреть стрелу, но он не смеет оставить свое место с краю, лишь поглядывает. Стрела крепкая, длинная, настоящая, с оперением.

Стрельбой из лука и ребята в Вержавске забавлялись. Сычонку не давали. Отгоняли прочь. У него и не было среди них друзей. Он сам смастерил лук, вырезал стрелы и на дворе пускал их в дряхлое бревно, представляя, что это литва, а то и варяг. Когда-то, рассказывают старики, Вержавск платил дань варягам, поднимавшимся с Дюны по Каспле и по Гобзе на своих ладьях. Поначалу противился Вержавск и оборонялся, да не смог долго тягаться с теми отважными и страшными воинами. Но то время миновало. И Вержавляне Великие уплачивают дань только Смоленску – тьму гривен. Большая цена! Вот отец с Зазыбой Тумаком да Страшко Ощерой получают плату за дубовый-то лес и часть отдадут посаднику Улебу Прокопьевичу, вернувшись. Но им тоже достанется. За дубы щедро платят, ровно за пушнину или мед.

Так и шли весь день, пробавляясь лишь густым отваром из корня шиповника.

Вечером остановились у зеленого пологого левого берега, уходящего к молодому березняку, и Сычонок наконец смог с трудом выдрать стрелу из бревна и осмотреть ее. Потом на нее глядели и остальные. Зазыба Тумак сплюнул, вытер губы, глаз его хищно разгорелся. Он сказал, что надо было бы остановиться и выловить лучника, надрать ему холку, поломать лук, а тетивой привязать к орешине за уд. Отец махнул рукой и ответил, что то была забава. Может, молодец какой веселился на охоте.

От заходящего солнца березняк весь багровел. Отец велел Сычонку идти туда за дровами. Тот повиновался. Вошел в березняк и вспугнул орла. Это был крупный черно-бурый беркут с золотыми перьями на затылке: словно в короне. Он тяжело полетел сквозь березняк, не задевая деревьев. И Сычонку сразу вспомнился другой коронованный – князь-волк. Он не удержался и протяжно просвистел ему вслед. И беркут как будто оглянулся...

А дрова ломать было трудно. И Сычонок, намаявшись, вернулся с двумя деревцами на берег, бросил их и искал топор.

– Чего тебе? – спросил отец.

Сычонок показал, что ему нужен топор для рубки. А топор и был как раз у отца, он тащил жерди для хижины.

– На, – сказал отец, протягивая топор.

Сын взял неловко и уронил.

Отец хмыкнул. Но остановил тут же сына.

– А ну постой, покажи ладони-то.

Сычонок повернул ладони вверх.

Отец присвистнул.

– Экие у тебя желви¹⁷!

На ладонях Сычонка пучились кровавые пузыри.

– Слышь-ко, Страшко Ощера! – воскликнул он. – Желви у сына.

Тот оглянулся, убрал чуб со лба.

– Так ищет пусть ель.

– Да! – вспомнил и отец, озираясь.

Но еловый лес стоял далеко за березняком, темнел буро. А вот на другой стороне ели прямо к воде свешивали свои лапы.

– Вона, – сказал отец, указывая на тот берег. – Набери смолы и давай сюда.

Сычонок приблизился к воде, скинул порты, рубаху да и вошел в воду, поблескивая крестиком на груди, поплыл, пофыркивая, как собака. Вода была холодной. Но за день Сычонок так нагорячился, что с удовольствием окунулся. Течение, правда, повлекло его вниз. И снесло мальчика далеко в сторону.

– Зачем ты его послал? – спросил Зазыба Тумак.

– За смолой, у него желви.

– Река ишшо холодная.

– А ничего, – откликнулся отец.

А мальчику пришлось пробираться берегом, лезть сквозь кусты. И его атаковала орда комариная. Впивались в плечи, под лопатки, в шею, в руки. Он отчаянно хлестал себя ладонями. Но вот оказался у елей. Наскреб смолы. И не знал, что с ней делать. В кулаке зажать – плыть неудобно будет. Наконец додумался прилепить комок к крестику. А назад плыть уже не хотелось. Вода казалась еще холоднее. Хотя воздух над рекой за день так прогрелся, что был как парное молоко. Сычонок переминался у воды, дергал плечами, сгонял комаров... Но комары так одолели, что уж лучше в воду прыгнуть. И он бухнулся в реку и поплыл. Отец вязал шалаш и поглядывал на реку. Посреди Гобзы, тоже багровой от заката, круглилась голова

¹⁷ Желвь – мозоль, нарыв.

пловца. В кустах уже били соловьи. Далеко перекликались кукушки. А скоро и журавли закурлыкали, провожая солнце.

Течение снова сносило мальчика. И он вылез на берег много ниже. Шатаясь, притащился к мужикам. Страшко Ощера уже развел огонь, взял смолу, прогрел ее у костра, велел Сычонок протянуть руки и намазал мозоли смолой, порвал тряпицу и замотал руки мальчику.

– Сиди теперя сиднем, – сказал он. – Сторожи, чтоб лучники-то не подкрались. Прото-занщик!

И Сычонок устроился у костра, жмурился, чувствуя блаженное тепло. В реке он сильно озяб, еще немного, и судорогой свело бы ноги, да вдруг под собой почуял мель.

За дровами с топором ушел Зазыба Тумак. Из березняка доносились удары. Потом он показался с целым ворохом березок на плече.

Комары ярились как никогда. Отец велел было сыну травы бросить в костер для дыма, да спохватился и сам надрал. Но она быстро прогорела, дав облако дыма. Нужен был какой-нибудь трухлявый пенёк. Отец походил по берегу и выкопал из песка кусок бревна, положил в костер. Сразу повалил густой дым. Страшко Ощера, как обычно, колдовал над котлом.

– Футрина надвигается, – говорил он, поглядывая на небо.

Небо заволакивала багровая пелена. И отец с Зазыбой Тумаком еще и еще вплетали в шалаш березовых веток. Месяц в этот вечер лишь на мгновение появился над березняком и исчез. Задувал теплый сильный ветер. От костра далеко летели искры. Сычонок за ними следил.

И когда стемнело, вдалеке, где-то за лесами, пошли вспышки зарниц.

– Илия-пророк на колеснице скачет, – молвил отец.

– Или Перун идет со своею дружиною волчьей, – отозвался Страшко Ощера.

– А то и сам Всеслав Чародей, – добавил Зазыба Тумак, как обычно, шепелявя.

«То наш ковач¹⁸ Воибор Власенятый в кузне огонь раздувает», – хотел сказать и Сычонок, да как скажешь? Остается только слушать. И он сидел и слушал, черпал новенькой ложкой густую жирную похлебку из котла, дул на нее, остужая, отправлял в рот. И мужики ели. И говорили про всякое. Что, мол, это чертова свадьба там скачет, пляшет, беснуется...

Поев, отец тихонько запел:

Ходит Илья
На Василья,
Носит пугу
Житяную;
Де замахне —
Жито росте...

Зазыба Тумак засмеялся хрипло.

– Эва хватил, Возгорь! Василья¹⁹ – он же вона егда ишшо будет, в самый холодный день!

– Илия и чичас как раз житу жизнь даёть, – отвечал отец и продолжал негромко напевать:

Жито, пшеницу,
Всяку пашницу,
У поле ядро,
А в доме добро...

¹⁸ Кузнец.

¹⁹ Васильев день – 1 января.

– Такожде и я спею! – воскликнул Страшко Ощера и запел дурашливым писклявым голосом:

А разлюбезныя подруженьки,
А не поритя мою белую грудь!..
Что мое-то ретиво сердечко
Все повыныло, повымерло,
Без морозу-то оно повысохло,
Без ржавчины оно заржавело!
Разлучил меня молодешеньку,
Со всем моим родом-племенем,
И с вами, мои подруженьки,
Разлюбезныя, распрятныя-а-а!

И он повел ложкой в сторону одноглазого Зазыбы Тумака и Возгоря Ржевы. Все захохотали так, что где-то поблизости утки с испугу заполошились, закрикали, полетели.

– Чегой-то ты?! – воскликнул отец.

– Дак кто молвил про чертову свадьбу? Вот свадебную и запел.

– А ты и впрямь как чертяка, – сказал отец и перекрестился.

– Чертовка, – поправил его Страшко Ощера и, охорашиваясь, как баба, поправил свой длинный чуб.

Все снова засмеялись, не утерпел и Сычонок. Только смеяться как другие он и умел.

А зарницы из-за тех лесов далеких как будто наступали воинством великим, сюда шли. И уже доносились раскаты грома. Подул ветер. Соловьи все замолкли, затаились. Только костер трещал и метал искры яростно.

И когда все улеглись, налетел сильный ветер, вздул притухший костер так, что и сквозь густые ветки свет его проник в шалаш. Все ворочались, кричали. Вода заплескалась в Гобзе.

– Вот свадьба и сюды доскакала, – пробормотал Страшко Ощера.

И вдруг пыхнуло еще ярче, будто в небе великий костер загорелся и тут же погас. И следом обрушился гром камнями большими. Сычонок крепко глаза закрыл. Снова пыхнуло жутко белым, и опять загрохотало так, что земля под ними затряслась.

– Ну? – хрипло спросил Зазыба Тумак.

– Чего? – переспросил отец.

– Читай молитву...

Отец помолчал, прокашлялся и начал тихо, потом громче: «О прехвальный и пречудный пророче Божий Илие, просиявший на земли равноангельским житием твоим, пламеннейшею ревностью по Господу Богу Вседержителю, еще же знамении и чудесы преславными, таже по крайнему благоволению к тебе Божию восхищенный на огненной колеснице с плотию твоею на небо...»

И тут снова вспыхнуло и ударило так яростно, будто некий злой безумец-силач разодрал надвое материю, раскинувшуюся от края земли до края, крепкую словно береста. Берестяное небо и разодралось, полыхнуло пламенем.

«Услыши нас, грешных и непотребных, в час сей предстоящих пред святою твоею иконою и усердно прибегающих к ходатайству твоему. Моли о нас Человеколюбца Бога, да подаст нам дух покаяния и сокрушения о гресех наших и всесильною Своею благодатию да поможет нам оставить пути нечестия, преспевати же во всяком деле блазе, да укрепит нас в борьбе...»

Последние слова потонули в новом грохоте, а потом шуме ливня. Реки небесные хлынули на землю, Гобзу, березняк и шалашик. Сперва шалашик держал воду, но скоро вода засочилась внутрь, закапала на плотогонов. Страшко Ощера достал дерюгу и накрыл всех. Сычонок к

теплому боку батьки прижимался. А снаружи лило и грохотало, сверкало. Уже мнилось, что Гобза тут, вокруг шалашика плещется, вышла из берегов. Капли уже густо падали на дерюгу. Как тут спать? Да вдруг среди шума этого дождевого Сычонок различил странные звуки... Прислушался. Ну, точно – Зазыба Тумак храпел. А остальные не спали. Страшко Ощера что-то бормотал. Скоро Сычонок уловил имя Перуна, господина громовника. «Ой, гульк вода!.. Бусь вода!.. Святым огнем не пожги, Перуне!.. Скинь стрелы в воду, в болото, в дерево-гучу, пусть унесет его Жыж». И отец вроде снова свою молитву Илие говорил... так и лежал Сычонок, трепеща, меж двух молитв, меж двух вер. А над ними небеса раздирались и огненными кусками падали, падали... да все не губили плотогонов-странничков. И уже Сычонок устал бояться, слушать, думать – да и свалился в глухую тьму.

5

Встали на другой день позже, чем в предыдущее утро, заспались нечаянно. Небо было хмурое. Все вокруг темнело после ночного ливня. Вода в реке и вправду поднялась.

– А то нам и на руку, – проговорил отец, умываясь в Гобзе.

Птицы пели. У них такая пора – петь и петь, хорош ли день или пасмурен.

– Ну, Ощера, что там тебе шепчут русалки? – спросил Зазыба Тумак. – Будет дождь али нет?

Страшко Ощера раздувал огонь, утирал слезящиеся глаза, отмахивался и ничего не отвечал.

А как похлебка согрелась, сказал громко:

– Вали на ядь! Брюха брячина²⁰!

– Брячину мы учиним в Видбеске, как продадим дубье все, – сказал отец. – Да рухлядь мягкую.

– Ох и утолю я жажду вином зеленым! – воскликнул Зазыба Тумак.

– Ну, выходит, остатния зубья поколотять, – заметил Страшко Ощера.

– Тебе обувку справим, – говорил Зазыба Тумак Сычонку, хлебая похлебку. – Из свиной крепкой кожи. Калиги²¹.

– Да куды же он каликой побредет?! – спросил Страшко Ощера.

– Куды-куды... В Вержавск.

– А я бы пошел в Ерусалим, – проговорил Возгорь-Василий, убирая русые волосы назад и окидывая взглядом речные и лесные пасмурные дали.

– Зачем идти, туды и доплыть можно, – возразил Зазыба Тумак.

Сычонок тронул его за руку, вопросительно кивая. Зазыба Тумак глянул на мальчика.

– Как? Да так. По Дюне вверх, там перевалить на Волгу. Волга и в самый Ерусалим и приведет.

– Сдурел ты, нет ли, – откликнулся отец. – То по Днепру идти надобно. Вверх по Каспле, там перевалить на Днепр и до моря-окияна самого. Дальше буде Царыград. А там ещежды²² море. И Ерусалим. Ларион Докука сказывал.

– Да што Докука! Поп он и есть поп. А мне купцы говорили, оне оксамиты²³ оттудова везли, – загорячился Зазыба Тумак.

– Ты все попутал, башка дубовая, – сказал отец. – Волга в море Хвалынское падает.

– А купцы те сказывали, что в море Красное! – выпалил Зазыба Тумак, сверкая глазом. – На Красном море Ерусалим и стоит. Там же... в Писании об том есть, как жидовины через море Чермное²⁴ аки посуху перешли. Тое тебе Докука не сказывал?

– Перетолмачил ты все не так-то, – сказал отец.

– Вы ишшо не забыли, куды мы-то идем? – спросил Страшко Ощера.

Сычонок дернул за рукав Страшко, и у него желая узнать, куда ведет Дюна.

– Да в Видбеск.

Сычонок снова вопросительно кивал, мол, а дальше-то, дальше куда ведет Дюна?

²⁰ Пир.

²¹ Обувь паломников, сапоги с низкими голенищами.

²² Опять.

²³ Шелковые ткани с ворсом из серебряных или золотых нитей.

²⁴ Красное.

– Чего? – не понимал Страшко Ощера, глядя на мальчика. Тот показывал извилистую линию – реку. Но Страшко так и не уразумел, отмахнулся. А отец с Зазыбой Тумаком все спорили.

И после еды они отчалили. Зазыба Тумак снова встал на плоту с отцом, а Сычонок в этот день просто сидел, держа на коленях свои замотанные тряпицами руки. Плоты хорошо шли полдня. Дожда не было, но и солнце не показывалось. Стало прохладно. Леса стояли на реке темные, зеленые, мокрые. Вода была мутной. Мокрая одежда постепенно просыхала. Сычонок внимательно разглядывал берега. Да что там увидишь? Все ели да сосны. Иногда дуб выступит вперед, богатырь в три обхвата... Но вон птица с ветки на ветку порхнула. Белка прыгнула, вильнув пушистым хвостом. Стрела вчерашняя лежала тут же, Сычонок иногда на нее посматривал. Думал о битвах, о которых рассказывали. С половцами какими-то степными, с литвой яростной, дикой, с варягами беспощадными, как волки. А что такое та степь? Сказывают, травы все да травы от края до края, а больше и ничего. Вот как поле, только поле бесконечное. И в нем и живут где-то половцы, скачут на маленьких злых лошадках, и сами злы и быстры, аки ястребы.

А вдруг оне и сюды зашли? Отец и Страшко Ощера с Зазыбой Тумаком решили, что кто-то так, баловался, утеху себе устроил, мол, пугнуть дурней-плотогонов. Но Сычонок думал, что не охотник то был, а поганный степняк и был, перевертень²⁵, позоруди²⁶ его и послали.

Хорошо шли плоты по высокой воде, да вдруг спона²⁷ на реке и встала: за поворотом шумом всколыхнулась тишина лесная. То клокотали воды, напирая на завал из деревьев, вырванных с корнем и брошенных поперек реки неким великаном.

Пришлось первый плот отвязывать. И на нем все втроем мужики и прибились к завалу, начали рубить топорами, растаскивать. Сычонок ничем пособить не мог, только глядел да уворачивался, когда метали назад сучья с налипшими травами, куски деревьев. Работа жаркая кипела. Долго завал разбирали, умаялись так, что сразу и не поплыли дальше. На берег вышли. Зажгли костер да сварили киселя. Пили, обжигаясь, дух переводили.

Потом и дальше пошли.

Еще одну ночь на Гобзе провели на берегу в густом ельнике, а на следующий день и в Касплю вошли. Прямо в широкую реку и вперлись со своими плотами. У Сычонка дух захватило. Каспля в сравнении с Гобзой широкой показалась. И над нею чайки кружили, кричали резко, как сторожихи какие или обидчивые бабы. Чего им надо?

Тут на берегу было селение. Пахло дымом. К столбам привязаны были лодки. Лаяли собаки, коровы мычали. Слышны были и детские крики.

– Поречье, – сказал отец. – Давай зачаливаться. За хлебом сходим.

В поселение отправились Страшко Ощера с Сычонком. То было поселение небольшое. Избы серели вдоль реки Каспли на одном берегу. Две-три избы стояли и на другом. На чужаков сразу выбежали собаки. Но у Страшко Ощеры в руках была крепкая палка.

– А ну, стерво²⁸! – прикрикнул Страшко Ощера, замахиваясь.

И собаки отпрянули, лишь лаяли вокруг.

Из крайней избы вышла баба, посмотрела из-под руки и скрылась. Следом явился мужик в серых портах, серой длинной рубахе, подпоясанный ремнем, в суконной высокой шапке. Он почесывал бороду с сединой, шурил и так-то прикрытые мешками глазки. Страшко Ощера поздоровался, назвав мужика по имени. Мужик отвечал, тоже называя имя.

– Ладно всюду прошли?

²⁵ Разведчик.

²⁶ Смотреть.

²⁷ Препона, препятствие.

²⁸ Труп, гибель.

– Ладно, только в одном месте, на излучке, там, где удолие²⁹ перед бором, на завал наскочили.

– Зверя видали?

– Ага, сохатые купаются с детенышами.

– Рыбу брали?

– Да некогда нам, Вялица Кошура! Пока вода держится, надо идти.

Мужик кивнул, оглаживая бороду.

– И то верно. Зайдете?

– Так некогда ж! – ответил Страшко Ощера, разводя руками.

– Баба! – кликнул мужик. – А дай-ка робятам квасу.

Костлявая баба в коричневом платье, в платке вынесла крынку. И Страшко Ощера с Сычонком прямо из нее и пили кислый резкий вкусный квас.

– А чадо чей такой будет? А, малец? Кто твой батька? – спрашивал мужик Кошура.

Страшко Ощера махнул.

– Молчит как рыба.

– Что так-то?

– Да получилось. Отнялась речь-то. Я его батьке, Возгору Ржеве, говорю, мол, свези в Арефины горы, к Хорту.

– Это который?

– Да кудесник же! – вдруг встряла баба, все не уходившая и дожидавшаяся крынки.

– Цыц! – прикрикнул мужик. – Не тебя просят здесь.

– Ён самый и есть, – подтвердил Страшко Ощера.

– А Ржева?

– Ни в какую. Ларион Докука задурил ему башку бядовую.

Мужик Вялица Кошура не отвечал, соображал что-то... да так ничего и не сказал. Напившись и поговорив еще, Страшко Ощера перешел к делу. Мужик Вялица Кошура закрыл головой.

– Не-а, что ты, мил человек! Какой хлебушек?! Нету! Все подобрали за зиму-то. Дочиста. Чем будем лето кормиться до урожая?

Он снял шапку и долго, упорно чесал кудлатую голову.

– А к кому пойти? – спросил Страшко Ощера.

– Да не к кому. Так уж плывитя. С богом, как говорится. В Сураже и хлебушком разживетеса.

– Вона как... Так хоть сала давай, Вялица Кошура.

– Сала? – переспросил тот. – Чем платить станете?

– Да нечем же, – отвечал Страшко Ощера. – Как дубье сбудем, на обратной дороге и расплатимся.

– А много у вас?

– Хватит на ладную гульбу.

– Хм... Это ничего. Но пока вы ишшо сюды приплететесь. Мы и зубы на полку положим. Животики к хребтине подтянет ужо... Али не с чем плыть?

– Да есть маленько. Но так до Суража ишшо далече. Дня три ходу. А то и более.

– А то, давай, кликну сынов-то, да оны и погонят далее?

– Да на чем?

– Ну... найдется чего-нибудь... крошки какие... – отвечал Вялица Кошура.

Страшко Ощера усмехнулся.

– Мудёр ты, Вялица! И прижимист. Снегу не выпросишь.

²⁹ Долина.

– А снегу-то и нету! – отвечал тот, разводя руками и подмигивая своей бабе.

– Да чего ж так оплошали? – спрашивал Страшко Ощера. – Али купцы еще не шли на Смоленск?

– Ага... в этом годе что-то припозднились. Не было кораблиц ишшо.

– Ладно, что уж ласы точить-то, аки древеса, не бобры, чай, – сказал Страшко Ощера.

– Куды ж вы?

– А пойдём попытаем щастья дальше.

– А рухлядку-то вязете?..

– Да есть чуть.

– Бобёр, куница?.. Давай уж в обмен?

– Не. Ты, Вялица, задешево возьмешь.

– Эт верна... верна... у самих тако добро иметца.

И они пошли дальше.

Но и в другой избе им ничего не дали. В самом деле, оголодало Поречье. Так ни с чем и пошли Страшко Ощера с Сычонком к реке.

– Этот Вялица, – говорил Сычонку Страшко Ощера, – шельма. Всё у него есть. Но беднячком прикидывается, собака. А сам с сынами промышляет над купцами, что идут вверх до Смоленску. Идут, идут, да не все доходят... Глаз-то у него неладный. Лядаший. Смурной, аки и весь ён. Одно слово – Вялица³⁰.

Они вышли к реке.

– Ну, до Суража корму нам хватит, – сказал отец, – ежели не жрать от пуза.

Зазыба Тумак уныло похлопал себя по животу.

– Оле³¹... – протянул он.

– Ладно, братия! Айда до Суража. А там чего-нибудь в пути и придумаем, – заключил Возгорь Ржева Василий.

И плоты снова двинулись по реке, но теперь уже по широкой и полноводной Каспле.

Сычонко обернулся и увидел на бугре того мужика с седоватой, кудлатой, выющейся и впрямь как космы метели бородой. Он стоял, опершись на палку, и глядел на плотогонов и ихние плоты.

Так и шли до вечера. Устали, изголодались. А тут еще и дождик заморосил. Начали шалаш ладить. Костер долго не разводился. Напрасно скрежетал Зазыба Тумак кресалом по кремню, гасли искры, не занимался трут. Потом Страшко Ощера накрыл его дерюгой, и наконец костер задымил. Одежа на всех была мокрой. Но костер разгорался и разгорался и уже пышел жаром яро. Страшко Ощера повесил заветный котел. А отец с Зазыбой Тумаком взяли мрежу³² и отплыли от берега на плоту, вбили колья в дно реки у берегов, пуганку поперек течения натянули.

Похлебка в этот раз была жидкой, лишь с крупой и молодой крапивой. Хлеба совсем не было. Так и хлебали варево ложками, уже без шуток и обычных разговоров. Уморились. От одежды пар валил. Да дождик снова все влагой наптитывал.

– Футрина так футрина, – бормотал отец.

В сырой и еще теплой одежде легли спать, укрылись козьими шкурами, дерюгой. Под Сычонком была еще и овчина. В шалаш отовсюду лезли комары, зудели, спать не давали.

³⁰ Метель.

³¹ Однако.

³² Сеть.

6

...И глубокой ночью Сычонок вдруг очнулся, то ли что-то услышал, то ли что-то ему почудилось. Лежал, ворочался, никак спать не мог наладиться.

Соловьи молчали. Было тихо. От костра пахло дымом. Ни уголька уже не светилось. И снова услышал плеск на реке, тут, поблизости.

Ткнул в бок батю. Тот заворчал. Но не проснулся.

И тогда Сычонок сильнее ткнул его, потом дернул за бороду.

– Ты чего... – забормотал отец.

Сел. И уже сам услышал. Потряс за плечо Зазыбу Тумака, тот, очнувшись, разбудил Страшко Ощеру.

И тогда все трое мужиков выбрались из шалаша. Отец взял топор. Страшко Ощера – палку, Зазыба Тумак – длинный нож. И они пошли, пригибаясь, к реке. Сычонок – за ними, широко раскрыв глаза.

Зазыба Тумак вдруг встал в полный рост. Плоты уплывали. Зазыба Тумак прыгнул, да в воду угодил.

– Не леть! Стой! – крикнул отец.

Но полоса воды между берегом и плотом росла. Да Зазыба Тумак уже выбрался на плот и бросился к тени с шестом. Человек тут же хрястнул тяжеленным шестом, да Зазыба Тумак увернулся, а бревна аж взвизгнули, и в шесте хрустнуло. Тот снова вздынул шест для страшного удара, но не успел обрушить его. Зазыба Тумак метнулся вперед, как бы даже распластавшись в воздухе, чуть не взлетев с выкинутой вперед рукой...

Тут же послышался резкий вскрик. Крик тот мокро захлебнулся... И человек упал с глухим стуком на бревна плота. Отец и Страшко Ощера тоже бросились в воду. И второй ночной гость, не дожидаясь, прыгнул в реку, поплыл.

– Стерво! – гаркнул Страшко Ощера. – Шлында³³!

От противоположного берега вдруг что-то отделилось и быстро пошло наперерез пловцу. Вскоре стала видна лодка. В ней сидел один гребец. Лодка быстро подошла к пловцу, и гребец помог ему забраться. И они ударили в два весла с обеих сторон так, что даже в темноте видны стали белые буруны. Будто зверь какой отчаянно работал лапами и стремительно уплывал прочь, вниз по реке.

– А! Трясца вас пройми! – выкрикнул Страшко Ощера.

Лодка уже совсем исчезла в темноте, только и слышен был плеск весел.

Зазыба Тумак поднял шест и толкал плот к берегу.

Страшко Ощера склонился над лежащим на плоту.

– Молодчик вроде, – проговорил он.

Сычонок стоял на берегу, трясясь всем телом под дождиком весенним.

– Кто ж таков? – хрипло спрашивал отец, тоже склоняясь над мертвецом.

– Ишь, твари калные, – ругался Зазыба Тумак, сильнее обычного шепелявя. – Поживиться восхотели! Недоноски вилавые³⁴!

– Куды его? – спрашивал Страшко Ощера.

– Да ракам и рыбам на корм! – сказал отец.

– А не распознаем ли харю поутру? – спросил Зазыба Тумак.

– Сыматься нам надобно да и уходить, – сказал отец.

Все молчали. Только и слышен был тихий ток Каспли у плотов.

³³ Бродяга, бездельник.

³⁴ Лукавые.

Страшко Ощера снова склонился над мертвецом.

– Чую я, отродье Кошуры, – сказал он.

– Да брось, – возразил отец.

– А чего? Покуда бы мы очухались, оны плоты далёко упёрли. Или куды в рукав сховали бы, переждали, да и заместо нас в Видбеск и прийшли.

– Ежели так, то Вяйлица Кошура нам не спустит, – сказал отец.

– А сам виноват! – воскликнул Зазыба Тумак. – Держать надо в кулаке хмыстений³⁵ своих.

– Но что ж это их повело? Сколь мы здесь ходим, всегда в дружбе были, – говорил отец.

– Вилавый друг опаснее змеи, – молвил Страшко Ощера.

– Так куды ево? – прошал Зазыба Тумак.

– Положим на берегу, пусть хоронят, – сказал отец.

Так и поступили. Сволокли труп на берег. Из шалаша все забрали, но сразу отплыть не смогли. Надо было мрежу снимать. Под мелким дождиком ее выбирали на ощупь. Хотя уже и пригляделись к темноте-то. Сычонка всего трясло и от холода, и от ужаса. Он места себе не находил ни в шалаше, ни на берегу.

Мужики долго возились с мрежей, уже и тьма редеть стала. Под дождем даже и соловей зашелкал на рассвете, но сразу и примолк. Наконец они пристали к берегу. На плоту серебрилась, билась рыба.

– Дай котел! – крикнул отец Сычонку.

Тот отнес котел. Страшко Ощера набрал полный котел рыбы и еще осталась. Положили ее в мешок.

– На пустое брюхо плыть-то негоже, – сказал Зазыба Тумак.

Страшко Ощера пошел к елкам и нарубил нижних сухих веток. Там, под одной густой елью, костер и развел. Набрал воды из Каспли, повесил котел, вынув из него часть рыбы. Рыбу они чистили вдвоем с Зазыбой Тумаком. Сычонок глядел, как Зазыба Тумак ловко орудует *тем же* длинным острым ножом, потрошит щук, и налимов, и стерлядь.

Было уже совсем светло. Ночной тать лежал на берегу вверх конопатым белым лицом. К его щекам прилипли волосы, нос остро торчал, глаза были открыты, рот тоже, и прямо в глаза и рот сеялся весенний холодный дождик. На мокрой рубахе темнело кровавое пятно. Порты сползли до колен. Ни Страшко Ощера, ни другие так и не могли распознать, чей это сын, и вообще из Поречья ли он или откуда еще. Тут были и другие селения по Каспле.

К ухе Страшко Ощера велел Сычонку нарвать крапивы. И тот нарвал целый веник, все руки обжег. Страшко Ощера порезал крапиву и бросил в котел. Плот был усеян рыбьей чешуей, на бревнах краснели кровавые пятна то ли рыбьей, то ли человеческой крови. В воде у берега колыхались рыбы кишки и хвосты.

Дождик не прекращался. А под старой елью было хорошо, тепло и сухо. Сычонок лез прямо в костер, а никак не мог согреться.

– Ишь как его трусит, – проговорил Страшко Ощера.

Как у рыб побелели глаза, Страшко Ощера всех позвал на корм под ель. Расселись у костра, взяли свои ложки. Сычонок есть не хотел.

– Чего ты, сынок? – спросил отец.

– Бери ложку-то. Черпай и захочешь, – сказал Страшко Ощера.

Сычонок пересел так, чтоб не видеть ни реки, ни лежащего на берегу.

– Думаешь, он убогий? – проворчал отец, дуя на ложку с ухой. – А проморгай ты, и мы бы и были нищей братьей.

³⁵ Воров.

– Спиридон хитрый³⁶, – одобрительно проговорил Зазыба Тумак. – Ловко как упредил нас. А то бы и сидели без плотов. Как в Вержавск вернуться? Сколь трудов положено!.. А эти враз удумали нас всего олиховати³⁷.

– Ежели оны с Поречья, – говорил отец, – то пока еще пёхом-то возвернутся, батьке наговорят или кому там... Мы уж далёко уйдем.

– Нет на нас вины, – убежденно сказал Зазыба Тумак.

– Ну, оно... может, и надо было вязать, а не резать, – проговорил отец.

– Дак тьма-то хоть глаз коли! – возразил Зазыба Тумак, вращая своим глазом. – Где вервь?

– Но ты-то не промахнулся, – ответил Страшко Ощера, довольно кивая.

Зазыба Тумак осклабился, потрянул грязными кудрями.

– Ты не человек, – сказал Страшко Ощера, – а рысь. Та во тьме тоже видит.

Рыбу из котла они всю поели и юшку выпили. Утерлись да на плоты пошли против охоты. И Сычонку не хотелось уходить из-под такой доброй ели. Да что делать.

Оттолкнулись шестами и пошли по мутной холодной Каспле под дождиком.

На берегу стоял шалаш. Неподалеку так и лежал парень в кровавой рубахе. Ни роду, ни имени его плотогоны не ведали.

Возгорь Ржева сомкнул ему рот и прикрыл глаза.

³⁶ Искусный.

³⁷ Лишить.

7

Дождь и не прекращался, а сделался сильнее, косо сек плотогонов, реку, берега, молодую листву берез и осин, ольхи, кленов. Сычонок дерюгой укрылся, но все одно ему холодно было, губы посинели, и весь он дрожал. А отец с Зазыбой как будто и ничего. Глядели вперед, толкались шестами, и бороды их серебрились от дождевых капель, рубахи и порты темнели, набрякшие водой. Дождь смывал чешую и кровь с бревен. Сычонок вспоминал свою избу у Ржавца на краю Вержавска, улицу, дуб, облюбованный ребятами, с вытертыми толстыми дланями-ветками, – сколько они играли на нем, гоняясь друг за другом аки белки. И как же тепло и хорошо было в избе, пахло шерстью, молоком, хлебом. От снега ли, от дождя укывище верное. Стены надежные. И всегда рядом ласковая мамка. Ну, бывает и колючая, резкая. А все одно – добрая. И красивая в своем убрусе³⁸.

Даже рыжая проказливая Светохна сейчас Сычонку хоть³⁹. Даже драчливые мальчишки с их дразнилками, мол, рак да рыба, чудо-юдо свистящее, змий поганый с языком раздвоенным, не говорящим, – даже и они сейчас вспоминались Сычонку по-доброму.

Но река уносила их дальше. И что там их ждало? А ну как махнет недруг ножиком, да и обернешься таким *выюном* с разинутым ртом и мокрыми от дождя мутными глазами. И куды он глядел-то? В чей рай, поганый али христианский? То неведомо.

Лодки они нигде не видели. В одном месте, правда, река раздваивалась, огибала островки и рукавами расходилась по долине. Туда и могла уйти лодка. Туда, может, и плоты задумали угнать пока, чтоб переждать погоню. Олиховати таких-то трудов осенних, зимних. Да и теперь, по весне, будто просто все деется на реке? Попробуй-ка управься.

По берегам все леса стояли.

Под вечер дождь ослаб и скоро вовсе утих.

Мужики были насквозь мокрые. Изрядно озябли. Носы у них побелели аж, губы темнели. И тогда зачалились у берега перед бором. Место глухое, да как и всякое тут, на реке ли Каспле, на Гобзе. Всюду – великие леса, необъятные, густые, непроходимые. Ну, для тех, кто ведает, есть, конечно, и дорожки, и тропки, от селения к селению, меж болот и речек. Все трое кинулись сразу дрова рубить, целую гору навалили средь столетних сосен. Страшко Ощера тщательно трут приготовил, цепко кресало ухватил, кремь и с двух-трех ударов высек искры, пустил дымок, склонился, задул осторожно: фуууу, фуууу... И дымок загустел, загустел... пыхнул огонек. Сычонок едва не закричал. Ой ли?.. Ну вот-вот и крикнул бы, точно! А что-то его удержало. И когда снова захотел крикнуть, ничего уже не получилось, только рот разевал, аки рыба дурацкая. И Сычонок чуть не заплакал.

А огонек все сильнее делался, все ярче, звонче, так и прищелкивал язычком, вторым, другим. И Страшко Ощера словно его вытягивал руками, выше и выше. Как кудесник был Страшко Ощера. Чуб его налип на лоб, на щеку, до самого носа.

И как же вкусно пахли дрова эти! Аки ладаном в церкви на верху Вержавска у Лариона Доуки. И сияли они золотом и рубинами волшебными. Нету богатства больше, чем такие-то дрова в сырой весенний вечер.

– Давай, давай... сюды, – говорил Зазыба Тумак, привлекая трясущегося мальчика к костру.

И от его одежды пар валил. И от одежд мужиков. И все они стояли вокруг костра и тянули к нему руки, аки заговоренные, жмурились. И бороды ихние тоже дымились. Ничего более и не надобно! Ни ести, ни пити. А только так стоять у жара лесного да жмуриться. Как много

³⁸ Платке.

³⁹ Желанна.

солнц будто бы на краю бора и вошло разом. И уже происшедшее ночью казалось чем-то далеким, чужим, не с ними случившимся, приснившимся. Злыми чародеями навеянными. Да и унесшимся в дали лесные, в глубь речные. Не было, не было!

А в котле уже klokотали рыбины, и пахло вкусно.

Ну, скоро глаза-то побелеют?.. Сычонок в котел все заглядывал.

Страшко Ощера ухмылялся, за крапивой мальчика не посылал, сам нарвал, потом нарезал и в котел бросил с крупой.

У Сычонка слюнки текли. В животе бурчали голодные пели. Страшко Ощера качал головой. Сычонок на него смотрел как на кудесника али священника вроде Лариона. Он священником и кудесником котла и был.

И вот Страшко Ощера снова в котел заглядывает...

Берет тряпку, обворачивает дужку и снимает котел.

Мужики разбирают ложки. Сычонок тоже хватает свою ложку.

Отец скороговоркой читает молитву, прерываясь, чтобы слюну проглотить, и проглатывает целые слова...

Сычонок ложкой зачерпывает юшку, пьет, обжигаясь. Как же вкусно... Зазыба ножом цепляет кусок рыбины и подает ему. Сычонок кусок берет двумя пальцами, дует на него, дует и потом ест, выплевывает кости...

Как ярка и горяча жизнь под высокими столетними соснами. Пламя костра на великих стволах рисует какие-то знаки.

И хорошо они просушили всю одежду до ночи, и шкуры. Да и улеглись спать в шалаше. Сухо и тепло было Сычонку, он сразу и уснул.

А в охране стояли попеременно мужики. Маленький костерок поддерживали, чтоб и теплей было, и от комаров оборона, да и не скушно: ломай ветки, корми огонь, гляди, думу думай.

И посреди ночи шум произошел.

Все мужики вскочили, схватили свое оружие, высыпали из укывища. Сычонок тоже проснулся, но не вышел, лежал в шкурах, слушал. Скоро отец с Зазыбой вернулись, улеглись, переговариваясь. Оказывается, лохматый по лесу шел, хозяин, и как костра не чуял? Ведь прямо на костер и пер. Да как услышал мужиков, зарычал и прочь ломанулся.

Утром, наконец, макушки сосен солнце окрасило. Журавли где-то закликали. Как это они отовсюду его видят? Что за птицы такие всевидящие? Где обитают, на каких горах, озерах, болотах? Видать, на небесных, коли солнце всегда видят. И сами – птицы солнечные.

А уж соловьи вовсю старались, наверстывали упущенное время без песен, били и стучали стеклянными своими камешками на все лады.

Сычонок глядел вокруг и радовался, что не сидит у подола мамки в Вержавске в душевой-то избе. А с мужиками делает речную работу, на воле, среди сосен и солнца.

Да вдруг припомнил вчерашнее, глянув на одноглазого Зазыбу со спутанными черными волосами, выбившимися из-под шапки, на его хрящеватый нос, нож в деревянных ножнах на поясе, – и не поверил, что все и было взаправду. Нет! Блазнь⁴⁰, сон.

Утром не уху варили, а жарили рыбу в глине. Страшко Ощера отыскал глину да и обмазал несколько рыбин – каждому по рыбине, разгреб угли и уложил все, сверху присыпал снова углями.

Ох и долго же пришлось ждать! Даже Зазыба начал торопить Ощера, мол, хватит уже, рыба, небось, перепрела. Страшко Ощера крутил головой, угли подгребал. И вот – все разгреб и велел разбирать корм-то. А глина была горячее. Сычонок посмотрел, как отец с Зазыбой ловко разбивают палками глину, и сам разбил. В лицо сразу пахнуло настоявшимся рыбьим жарким духом. Сычонок обжег пальцы, подул на них, снова взялся за рыбину, принялся сди-

⁴⁰ Здесь: обман.

рать запекшуюся кожу, облизывать жирные пальцы. Такой вкусной рыбы он никогда не ел. Ни мамка, ни бабка вкуснее не готовили. Вот так Страшко Ощера.

Зазыба с отцом тоже нахваливали Страшко Ощеру. Тот довольно ухмылялся, растягивал жирные губы, выплевывал кости.

Потом руки вымыли с песком, напились красного отвару да и поплыли на дубовом змеегорыныче. Сычонок уже мог держать шест и желал того – быть как все, настоящим плотогоном, мужиком.

По обеим сторонам Каспли гремели соловьи. Вверху синело умытое небо. Сосны купались в золоте. И снова Сычонку хотелось запеть, и он засвистел на свой манер, протяжно и загадочно.

Отец Ржева улыбнулся, глядя на него.

Плоты двигались сквозь густой дух сосны и реки. Всплескивалась вода вокруг шестов. Через реку пролетали черные дятлы, пестрые сойки. В одном месте из кустов выглянула морда косули, глазастая, с большими ушами. И тут же исчезла. Так что отец и не увидел ничего, когда Сычонок ему указал на то место.

С утра было прохладно, но солнце вставало все выше и выше, и уже в полдень стало так тепло, что даже рубаха вспотела. Сычонок ее и снял. Отец глядел на бледную спину сына, искусанную комарами, поцарапанную сучьями. Скоро и он скинул рубаху.

По Каспле плоты шли быстрее. Река была полноводнее Гобзы, шире.

Справа показались холмы, заросшие березами. И среди берез что-то замелькало. Сычонок прищурился, прикрыл глаза ладонью. То был всадник. Сычонок обернулся к батю, свистнул. Отец поймал направление, тоже глядел. Но уже там никого не было видно. Сычонок показал пальцами, мол, человек на лошади. Отец кивнул. Но понял ли?

В этот день шли до самого захода солнца. На заходе пристали к левому высокому берегу в форме большой подковы. Берег наверху был ровный, весь в прошлогодней серой траве. Темными фигурами всюду стояли можжевельники, будто монахи какие. Среди них и поставили свой шалаш, развели костер. Лес стоял еловой стеной чуть поодаль. Снова пели соловьи, монотонно крикали утки, бил кресалом о кремь коростель – да все никак не высекал искру. А Страшко Ощера уже высек.

Спать легли при первых звездах. Снова ночью по очереди сторожили. И Сычонок показал, что он тоже будет. И похаживал по берегу-подкове над водой, глядел, зевая, на звезды, густо усыпавшие небеса и Касплю. На болоте мычал водяной бык. Ему отвечал филин из лесной чащи, ухал, будто мужик дурашливый: ухху-хуууу! Сычонок поеживался, сгонял надоедливых комаров... А потом ему как раз приспичило справить большую нужду. Он еще потерпел-потерпел и отошел подальше, к лесу, сломал сук, начал ковырять землю, чтобы сделать ямку. А то мужики сильно ругались, когда он поблизости от шалаша это делал-то, *мотылом*⁴¹ его обзывали.

И вот сел, спустил порты, продолжая озирать шалаш, фигуры можжевельников... Как вдруг среди этих неподвижных-то фигур задвигались какие-то иные... что ли.

Сычонок решил, что мужики встали зачем-то. Может, опять лохматый появился...

Но только мужиков что-то было больше трех.

Сычонок поднялся. Хотел крикнуть... да где там!

А в ночи уже слышался какой-то жуткий зубовный скрип и храп, потом и крик, кашель, чуханье, будто кабан, секач набежал... Много секачей. И клыки их лязгали: «Дрзгн! Дрзгн!»

– А! а-а-а... – простонал кто-то и тут же смолк.

И снова в темноте под звездами возились секачи, кувыркались, падали, вскакивали. Снова скрежетали их клыки. Слышен был глухой утробный рык, треск. Шалаш разваливался,

⁴¹ Мотыло – помет, кал, нечистоты.

взлетал кусками и падал. На него будто те можжевельники и напали со всех сторон. И разбросали.

Слышно было, как кто-то тяжело дышал.
Кто-то хрипел... Раздавались глухие удары.
– На!.. На!.. – выдыхал кто-то в такт ударам.

* * *

– Всех должны истаяти⁴²!
– Все! Всё... уф...
– Не...
– А?
– С имя бысть малый ишшо!
– А? Где?..
– А ну позоруди вокруг. Давай!.. давай!..

Но Сычонок уже опомнился и уходил в лес, дальше, дальше, задыхаясь, словно давно уже бежал, или его грудь придавило тяжеленным валуном. Хрустнула ветка. И тут же к нему побежали из тьмы. Он слышал топот и треск. Быстро свернул в сторону и бросился плашмя на землю, подполз к гнилой колоде, прижался к ней, как давеча прижимался к боку отца... Но колода сочилась холодной влагой. От нее Сычонок переполз под низкие ветки ели. Но и там не остался и пополз дальше. А кто-то уже к колоде выбежал, а потом и под ель сунулся. А Сычонок сполз в ямку с водой, да глубокая ямка-то оказалась, и он зарылся в старую листву и хвою, гнилые сучья, грязь и замер. Преследователи прошли над ямой, и даже комья земли на Сычонка посыпались. Но то ли во тьме ямы не разглядели, то ли Сычонка на ее дне не увидели – ушли дальше.

Что же было ему делать? Лежать ли здесь? Или бежать? Но куда? Всюду по лесу ходили эти можжевеловые люди с кабаньими клыками.

Нет, буду таиться.

Не таись.

Как будто Сычонку кто-то это сказал.

И он не ведал, как поступить. А можжевеловые люди бродили рядом, доносились их голоса. Сычонок поднял голову, стал прислушиваться. Увидел силуэт. На ель перелетела бесшумно какая-то птица. Прошло немного времени, вдруг послышался тихий и протяжный свист. Сычонок даже сел на дне ямы, вслушиваясь. Он знал как никто другой этот округлый и таинственный свист. И уже встал, полез из ямы, нырнул под еловые лапы, схватился за ветки, прижался животом и грудью к стволу, начал карабкаться вверх. Ветви выдерживали вес его тела. Он забирался все выше и выше, пока не оказался на самой верхотуре. Только там и можно было сделать то, что он задумал: обвязать снятой с пояса веревкой тонкий ствол да себя и так замереть. Он прижимался сейчас к ели, как к самому родному существу. Здесь было его спасение.

Звезды висели близко, всюду над кронами. И странное дело, как будто где-то цепь скрежетала, то ли в лесу, то ли на реке, а то ли и под самыми звездами. Может, то сами звезды и терлись друг о дружку...

А внизу все ходили можжевеловые люди с клыками вепрей. Вскоре они вернулись и сюда. Сычонок осторожно глянул сквозь мохнатые лапы с гроздьями шишек и увидел, как двое остановились над ямой. И один ткнул с силой палкой. Послышался хлоп.

– Следы зришь?

⁴² Погубить.

– Ага.

– Он иде-то здесь. Токмо вылез...

– А не зверь ли то оставил?

Они замолчали. Сычонок снова прижался к стволу и затаился.

Люди еще пошарили вокруг и ушли дальше. Вскоре все вообще стихло. Только тяжело вздыхал-мычал водяной бык вдалеке. Сычонок переводил дух.

8

Все тело у мальчика занемело, пока он пережидал на елке. Но спуститься он решил, только когда стало светать.

Едва стоял на затекших ногах. Руки совсем потеряли чувствительность. Он сгибал их и разгибал, приседал и вставал. Ладони были в смоле, липкие. В лесу пересвистывались птицы, все громче, радостнее. Звезды бледнели и пропадали на небе. Посвежело. Сычонка трясло. Идти ли на берег? Или уж уходить в лес? Он так и не смог вернуться на берег, не смог, нет, пошел по лесу. Блуждал среди громадных елей, поросших мохом, обходил упавшие деревья, ямины, наполненные водой, выворотни. Но в лесу было холодно, а где-то на реке уже светило солнце. Лучи его в лесу лишь скользили по макушкам. И снова был слышен странный скрежещущий металлический звук. Откуда? Что это?

Невольно Сычонок забирал все в сторону и в сторону – да и вышел к реке на взгорок. И сразу увидел внизу толпу можжевельников. Разрушенный шалаш. Значит, сюда его и вывело. А он-то думал, что далеко уже ушел...

Куда ж все пропали?

Сычонок стоял, дрожа, вглядывался, не появится ли Страшко Ощера со своим чубом, рослый плечистый отец, одноглазый черноволосый носатый Зазыба. Или вдруг двинутся можжевельники, заскрежещут клыками... Но все было недвижно на берегу. Он перевел глаза на Касплю. А река уже пуста была. Плоты исчезли.

Так и сидел он на склоне неподалеку от муравейника, похожего на шапку посадника Улеба Прокопьевича, не в силах спуститься и веря, что если не приближаться, не рассматривать все, то и что-то переменится, повернется по-другому. Как будто заново потечет Каспля вчерашним днем. И наступит вечер со звездами. И Страшко Ощера нажарит рыбы в глине. И все лягут спать. Но Сычонок уже не дозволит им спать, не отдаст их смерти, тем можжевельным людям с клыками вепрей. Всех поднимет и спасет. И они уйдут на плотях по Каспле – пусть-ка можжевельные их попробуют истаяти.

Уйдут, уйдут до Дюны и до Видбеска. И отец купит ему калиги. И потом они вернутся в Вержавск.

Сычонка такое отчаяние охватывало, что он готов был кричать – и криком заставить Касплю пойти вспять.

А крика у него и не было.

И он всматривался в то место и думал, что, может, это и совсем другой берег, совсем не тот, просто похожий. А на том берегу все как прежде: плоты зачалены, шалаш стоит, и Страшко Ощера уже повесил котел с рыбой на огонь, помешивает ложкой, убирает чуб с лица. Ведь не могли они все враз пропасть!..

Солнце клонилось к далеким нежно-голубоватым волнам леса. Весь день оно щедро светило, и было тепло. Так что Сычонка перестала бить дрожь, и он заснул, сидя на склоне под лучами вечернего солнца, свалился на бок и даже не вздрогнул, заснул беспробудно.

...А очнулся как будто от резкого крика чайки. Открыл глаза и сразу увидел кольчугу, потом темные сапоги... Он дернулся и сел, таращась на рябого вислоусого человека в шапке, с коротким мечом на боку. Тот всматривался в мальчишку, клоня голову. В ухе у него поблескивала серьга. Костистый горбатый нос, как клюв, был нацелен на мальчика. Ну точно аки у Зазыбы Тумака! Сычонок вскочил и кинулся было прочь, да человек ловко ухватил его за рубаху.

– Стой, ерпыль⁴³!

⁴³ Малорослый.

И так дернул к себе, что рубаха затрещала, и Сычонок упал на колени, но продолжал убегать – уже на руках, рвал землю, траву руками, отчаянно дыша.

– Баю же... тебе...

Человек потянул его к себе и пристукнул ладонью по голове. Сычонок вобрал голову в плечи.

– А ну пошли, – сказал рябой, грубо встряхивая его за шиворот.

Сычонок еще раз попытался высвободиться, но получил такую затрещину, что в глазах потемнело.

И рябой потащил его вниз. Проморгавшись, Сычонок увидел на берегу других людей, а в реке – ладью с мачтой и убраным парусом. Там тоже были какие-то люди.

Можжевеловые вепри!

У Сычонка потекли по щекам слезы, хоть он и старался с собою справиться и принять смерть как подобает сыну смелого вержавца плотогона Возгоря-Василья. Отец страх как не любил его слезы, гневался изрядно. И Сычонок научился не плакать. Но сейчас сдержаться не мог. Его одолевал дикий страх. Он жаждал жить, видеть новые города, странствовать по рекам и когда-нибудь вернуть себе речь. А вмиг стал лишеником⁴⁴.

Они спустились на берег с разрушенным шалашом, черным кострищем, разбросанными окровавленными тряпками. Сычонок сразу увидел сапог отца. Он валялся у воды.

Говор среди людей, стоявших на берегу, стих. Все взгляды были устремлены на мальчишку.

Он бегло оглядывал бородатые и безбородые лица простоволосых людей и людей в шапках, но все они казались ему одинаковыми. И он только ждал щелканья кабаньих клыков.

– Кто таков? – послышался голос.

Сычонок взглянул на говорившего. Это был пожилой грузный человек с редкой бородой колечками и редкими усами, в шапке, отороченной мехом, в плаще кирпичного цвета и коротких сапогах. У него были большие серо-голубые глаза.

– Говори, паценок⁴⁵! – прикрикнул рябой, крепко державший мальчишку за шиворот.

– Ну, чей ты наследок⁴⁶? – снова спросил пожилой.

Сычонок смотрел на него сквозь слезы и молчал.

– И что за крамола тута случилася? – снова спросил пожилой, кивая на разрушенный шалаш и разбросанные тряпки.

И до Сычонка начало доходить, что это не те можжевеловые вепри. Он огляделся, утирая глаза.

– Да развяжи ты ему язык, Нечай! – воскликнул кто-то.

И рябой Нечай снова потряс мальчишку за шиворот.

– Да говори же, что за свара тута бысть?! Кто мертвяков пустил рекою? Не те ли плотовщики? А ты с кем был?

И Сычонок уже понимал, что никогда больше не увидит ни отца, ни Страшко Ощеру, ни одноглазого Зазыбу Тумака. И ноги у него подгибались, не держали. Так что рябой Нечай притомился его держать на весу и отпустил. Сычонок сел на землю и уткнулся лицом в ладони с едва зажившими мозолями и заплакал безудержно, так что плечи его ходуном ходили, лопатки тряслись.

Все молчали.

Выплакавшись и обессилев, Сычонок затих.

⁴⁴ Ничтожным, несчастным.

⁴⁵ Щенок, молокосос.

⁴⁶ Наследник, потомок.

– Василь Настасьич, – сказал кто-то, – здесь негде ночь переждать, скверное⁴⁷ место.

– Давай, пошли дальше, – отвечал пожилой человек в плаще кирпичного цвета.

– А с мальцом што?

– Эй, иде твоя истобка⁴⁸? Откудова ты, отроче?

– Вишь, молчит, будто карась. Ну, ишшо заговорит. Не очухается никак. Давай, телок, подымайся на ладью, поплывешь с нами. Али тут близко живешь? Ну?! Останешься?

И Сычонок испуганно взглянул на спрашивавшего и замотал головой.

– О, гляди-ко, разумеет. А куды тебе? Вверх или вниз-то надобно?

Сычонок молчал. Он и сам не знал, куда ему теперь податься. Все спуталось в его голове.

– Ладно, пошли.

И Сычонок по сходням из двух связанных липовым лыком досок поднялся на ладью. Тут у бортов сидели мужики в серых льняных рубашках, в шапках, а кто и простоволосый, только волосы ремешком прихватил. Между ними лежало что-то, укрытое дерюгой. Василь Настасьич занял сиденье с овчиной у мачты. На корме сидел с веслом могучий мужик с черной пушистой бородой. Рябой Нечай устроился рядом с Василием Настасьичем. Сходни убрали и шестом оттолкнулись от берега, и ладья двинулась. Сычонок не мог сообразить, куда же? Вверх или вниз?

Весла дружно ударили по воде, и ладья сильно шла – вперед али назад? Мимо проплывали лесистые берега. Над рекой царили прозрачные весенние сумерки. Начинали щелкать соловьи. После дневного жара становилось прохладно. И дрожь снова пробирала Сычонка. Мужики, сидевшие совсем близко, чуть наклонялись вперед, а потом откидывались назад, вращая тяжелыми веслами в дырах в борту. От них наносило запахом пота. Им-то было тепло как днем.

Сычонок поглядывал пытливо на пожилого мужика. Звали его, как отца. И это Сычонка немного успокаивало. Но кто мог поручиться, что его не ждет расправа, что он не таль⁴⁹? Хотя вроде эти ладейщики и не походили на можжевеловых вепрей.

Сычонок так и не мог уразуметь, в какую же сторону они плывут.

Гребцы ладно работали веслами без команд. Видно, давно сработались и все знали. А ладья была большая и тяжелая. Сычонок прежде таких и не видывал на Гобзе. Туда заходили лодки поменьше. И у самих вержавцев таких не было.

Василь Настасьич сидел спиной к нему, лицом вперед, привалившись к мачте.

Крикнула цапля, тенью пролетая впереди: «Вав!»

Будто летучая собака. Баба Белуха толковала, что раньше такие водились, переплутами прозывались. Поля охраняли с посевами. А ежели их не задабривать, то и скверное учиняли: пропускали кабанов, и те все перерывали. В лунные ночи, толковала баба, можно было позоруту, как оны, эти собаки крылатые, над полями кувыркаются в тумане. А то прыгнут и побегут по туманам, как по льдинам.

Ладья то входила в холодные потоки воздуха, то снова в теплых плыла. И Сычонка то озноб тряс, то отпускал. Да и все события последнего времени были таковы: то яркие жаркие картины радости, то ужас и хлад. Мальчика просто лихорадило. Он уже не мог остановиться. Так стучал зубами, что сидевший слева гребец с выгоревшими на солнце русыми почти белыми волосами и темными густыми усами отпустил одной рукой весло, пошарил около себя и сунул молча мальчику овчинную безрукавку. Тот обернулся, посмотрел и взял ее, надел. Но озноб не унимался. Сычонок сидел, скрючившись, и дрожал. Страх уже не владел им. Он впал в особое состояние равнодушия. Ему уже все равно было, куда они плывут и что с ним будет дальше.

⁴⁷ Скверное.

⁴⁸ Изба.

⁴⁹ Заложник.

На небе уже появлялись первые звезды, а ладья все шла по Каспле, гоня широкие усы волн. Но вот Василь Настасьич спросил, указывая на берег:

– А не здесь ли зачались? Осе⁵⁰!

И гребцы чуть замедлили свою работу. Рябой Нечай всматривался в приближающийся берег. Но место оказалось неудобным, и ладья еще прошла по реке и наконец пристала к другому, левому пологому берегу. Здесь была обширная поляна у елового леса. Нечай бросил сходни и первым сошел на берег, походил там и крикнул, что можно высаживаться. Гребцы завозились, заговорили, подымаясь, распрямляя спины, потягиваясь, беря свои пожитки и пробираясь к сходням.

– Мисюр... Зима... дай-ка вон топор, – попросили у мужика с выгоревшими волосами.

Так его звали. Он передал топор.

– Айда, чего сидишь, – сказал этот Мисюр Зима мальчику, напяливая шапку на затылок.

Сычонок пошел с ним. По сходням он перешел на берег, озираясь. Одни мужики носили мешки с припасами, еще что-то, другие ушли в лес за дровами. Чубатый мужик высекал искры над трупом. И в какой-то миг Сычонку почудилось, что это Страшко Ощера. Такой же чуб у мужика свисал на один глаз. Он с нарастающим ужасом стал оглядывать остальных. И поблазнилось ему, что и не живые то люди, что плыл-то он с мертвяками. И Сычонок медленно отступал и отступал к лесу. Никто на него не обращал внимания, и он шагнул уже под сень еловую... мгновенье стоял, замерев и ожидая оклика... да и рванул в спасительную дебрь. Только ветки хлестали по щекам, сучья цеплялись за плечи. Прочь, прочь, дальше от мертвяков на ладье.

⁵⁰ Вот.

9

Бежал, бежал, петляя средь деревьев, остановился, переводя дух, прислушался. Сердце так и колотилось в каждом ухе. Он даже поскреб в ушах мизинцами. Снова послушал. Далеко уже раздавались удары топоров. И ничего более. Никто за Сычонок не гнался. Это его ободрило. В лесу уже было темно. И он шел осторожно, выставяя руки... А куды? Гладный⁵¹, в одной рубаше и портах, босой. Но свободный. Не с мертвяками же ему плавать.

Он вышел на поляну или к болоту. И вдруг увидел чей-то силуэт слева, на краю леса. Мальчик вглядывался. Сначала удивился: собака, но тут же и обмер: это был волк.

Волк его тоже видел.

И так они и стояли недвижно. Наконец мальчик очнулся и начал медленно отступать, снова оказался под сводами леса и быстро пошел прочь. Да сразу и наткнулся на сук, со лба потекла кровь. Он плевал на ладонь и прикладывал ее к царапине, чтобы унять кровь. Шел, снова выставяя руки. Умаялся и сел на поваленную березу. Что было делать? Есть уже хотелось страшно. И ноги совсем нахолоделись. Он уже не помнил, где и когда утерял лапти. Может, еще в том своем шалашике на Гобзе у Вержавска забыл.

Как ему вернуться в Вержавск?

А вернется, что *скажет* мамке и людям?

Зазор⁵² какой вышел!.. Ведь он пропустил можжевельных вепрей. Не крикнул. Не кинулся. А как мог крикнуть?..

Спиридон горевал, сидел, покачиваясь, сгоняя комарье.

Что, что ему деяти дальше?..

И в Вержавск не вернешься запросто, с поднятой головой. И... и с голоду тут совсем помрешь.

Сычонок прислушался. Так и стучали там топоры.

Да будут ли мертвяки так стараться о ночлеге? Не все ли им равно, как и где спать-то? А эти небось костры развели, еду варят.

И мальчик встал да и потянулся обратно.

И вот уже слышал и голоса, кашель. А вскоре увидел и отблески костров на берегу. И учуял воню⁵³ каши. Не утерпел и совсем из лесу вышел. Да так и остановился. А его никто и не замечает. Люди что-то делают у костров, переговариваются. На берегу уже две вежи⁵⁴ стоят, одна побольше, другая меньше. Костры освещают бородатые и безусые лица. Люди сидят у костров с плоскими и трапезничают.

Как вдруг кто-то приметил мальчика.

– Эвон волчок стоит! Али леший?

– Ха! Проголодался.

– Эй, сыроядец⁵⁵! Иди сюды!

И мальчик начал медленно приближаться. Чья-то рука легла ему на плечо. Оглянулся – Мисюр Зима с белым чубом. Усаживает у костра.

– Грейся.

– Где тебя носит, отрок? – вопрошает Василь Настасьич с другой стороны костра.

⁵¹ Голодный.

⁵² Позор.

⁵³ Запах, благоухание.

⁵⁴ Шатры, палатки.

⁵⁵ Дикарь, варвар.

Мальчик молчит, озирается как звереныш, дрожит еще. Но костер сильно обдает жаром. Рдяные угли осыпаются. Мужики дров все подбрасывают. Едят дружно, как и гребут. Только ложки стучат по плошкам.

– Ну, теперь-то чего-нибудь да молвишь, добрый молодец? – спрашивает кто-то.

– Погодь, пушай отогреется, – говорит другой.

Сычонок ноги почти в огонь сует. И жар бросается ему в лицо, в грудь, ноги отходят. Лицо так и пламенеет.

– Убо⁵⁶ дайте мальцу корму! – велит Василь Настасьич.

– Нету оружия для корму! – отвечают ему.

– Да иде-то бысть плошка... завтрава отыщем.

Мисюр Зима вытирает хлебной коркой свою плошку, ложку и отдает мальчику.

– Иди вымой.

Сычонок повинуется, спускается к реке и быстро все ополаскивает, возвращается к костру. Мисюр Зима ковшом начерпывает ему каши, дает черствого хлеба краюху. И мальчик начинает торопливо есть. Мужики смеются.

– Да не гони лошадей, малец! Волкам табя не сугнути⁵⁷.

– Вишь, сякий утый⁵⁸.

Он быстро очищает деревянную плошку и съедает весь хлеб.

– Дай ему ишшо, Зима!

И Мисюр Зима начерпывает ему еще каши, с горкой, и хлеб отрезает. Мальчик, не оставиваясь, ест.

– Да не спеши, ешь мудро⁵⁹.

– А то котора⁶⁰ в брюхе настанет, – замечает кто-то с улыбкой.

И после еды Сычонок совсем обессилел, ословел, еле ноги передвигал, когда шел снова к реке мыть плошку и ложку.

– Ну, мню⁶¹, ты уже и сыт, и обогрет, – проговорил Василь Настасьич со своего места. – Садись и поведай нам, что за лихое с тобою вышло?

Лицо его казалось медным от света костра. Искры вились вокруг шапки с мехом. И все лица были обернуты к мальчику. Он смотрел на них и молчал.

– Да ты что, похухнанье⁶² тут нам чинишь, лишеник?! – нетерпеливо крикнул рябой с горбатым носом, и серьга в его ухе красно блеснула. – Али за язык тебя потянуть?

– Постой, Нечай, – сказал Василь Настасьич. – Отрок, ты все ли разумеешь? Слышишь ли?

– Молви! – воскликнул Нечай, теряя терпение.

И тогда мальчик кивнул. Мужики дружно вздохнули.

– А мы уж мнили, не фрязин⁶³ ли али срацин⁶⁴! – пискляво сказал лобастый парень с длинной шеей, замотанной тряпкой.

И все засмеялись.

– А выходит, нашенский! Тутошний!.. А какого же роду? Княжич ли ты али поповский сын? – продолжал тот дурашливым голосом.

⁵⁶ Здесь: так.

⁵⁷ Настигнуть.

⁵⁸ Такой исхудалый.

⁵⁹ Медленно.

⁶⁰ Распря, раздор.

⁶¹ Полагаю.

⁶² Осмеяние.

⁶³ Итальянец, европеец.

⁶⁴ Араб.

– Погоди, Иголка, – остановил его Василь Настасьич, морщась. – Не глуми. – Он кашлянул в тугой кулак. – Отрок, так ты немко⁶⁵? Не дадена тебе олафа⁶⁶ глаголати?

И мальчик снова кивнул.

– Язык вырван? – спросил кто-то.

Мальчик отрицательно pokrutil головой.

– А ну покажь!

И он высунул язык. Тот краснел в языках пламени. И все мужики на него глядели внимательно. Загудели...

– Ишь...

– Вона как...

И Василь Настасьич продолжил свой расспрос. Что немко тут делает, с кем он был, что случилось с его спутниками, кто их убил. Они видели в реке трупы. Видели и плоты с плотовщиками. Чьи то были плоты? Ваши? Так на вас те и напали? А откуда плоты гнали? С какой реки? И кое-что мальчик сумел объяснить. Но никто так и не уразумел, по какой реке они сперва плыли и откуда, где же у мальчика очина⁶⁷.

Спать легли поздно в вежах, выставив снабдевающего⁶⁸. Мальчику велели спать в большой веже. И он, как только лег на овчину, что ему подсунил Мисюр Зима, так сразу и пропал в черных глубинах вечной реки снов. И утром его не могли добудиться.

Снова светило солнце, голубели небеса. На берегу горели костры. Вежи мужики быстро собирали, тащили узлы на ладью. Ели уху. На ночь ставили мрежу. И улов, как обычно, был богатый: стерляди, налимы, щуки, осетры.

Мальчику нашли и плошку, и ложку. После трапезы ему велели мыть все котлы. И он отнес их на берег и почистил с песком и травой. Но мужик именем Нажир Корчага, низкорослый, лысый, со странно приплюснутой с боков головой, будто и впрямь корчага⁶⁹ какая, с брюхом и небольшой бородашкой, остался недоволен и наказал чистить котлы и снаружи, чтоб сияли аки жопа девки после бани. И мальчик снова надрал травы и принялся усердно драить котлы. С них облетала хлопьями сажа, черная короста. Сычонок так старался, что пальцы окровенил. А черноглазый Нажир Корчага снова заворчал, мало ему было сияния.

Тут пришел Мисюр Зима и сказал:

– Довольно, Нажир! Их сто годов никто не чистил!

– Ну, гляди, карась, немко, не сбеги только, – сказал мальчику Нажир. – Вечером снова будет тебе урок.

– Не пужай малого, Корчага, – отвечал Мисюр Зима.

– Карась, немко, – бормотал Нажир Корчага, забирая хорошо очищенные, но еще не сияющие котлы.

И так все и стали с тех пор звать мальчика: Карась Немко. Что за притча. То сычонок, то рыбешка...

– Ну, хватит уж возиться! – крикнул Василь Настась-ич мужикам, еще бродившим по берегу. – Так мы и до ледостава никуда не доплывем. Не мудити!

И вот сходни убраны, и большая ладья, большая и шумная, как торг в Вержавске, пошла по Каспле, вспенивая веслами воду. И только теперь мальчик сумел определить, что плывут они вверх по реке. Увидал сосну, нависшую над водою, опаленную молнией, с расщепленной верхушкой. Ее он уже видел. Так враз и сообразил.

⁶⁵ Немой.

⁶⁶ Дар, награда.

⁶⁷ Родина.

⁶⁸ Охраняющего.

⁶⁹ Глиняный сосуд.

...Или то и сбылось, о чем он просил в думах: повернуло время вспять?

Сычонок боязливо косился на гребцов, сидевших напротив с одной и с другой стороны. Те равномерно наклонялись вперед за веслом, а потом откидывались назад. Мышцы под рубахами так и бугрились. Этого темноусого, с выгоревшим чубом и серыми глазами, с заросшими щетиной щеками, звать Мисюр. А того, что справа, чернявого, с длинной бородой, – Волох. Обычные имена. И ели они кашу, уху хлебали как люди. И пахло от них по-людски: нестираными рубахами, дымом и потом, хлебом.

Правда, Мисюр – Зима, на то у него и чуб выгоревший. Волох – Горностай, так и борода его сияет мехом. И в Вержавске полно таких-то мужиков и ребят, один – Федька Снежко, другой – Унжак Глухарь...

И Сычонок уж решил, что обычные это люди, ладейщики, речники, а Василь Настасьич, как видно, купец с каким-то товаром в тюках. Но тут задул сильный синий ветер, чайки закричали, молодая листва на ивах засеребрилась, закипела. И рябой Нечай встал и начал дергать за веревки, распуская парус. И тот наполнился воздухом сияющим, чудно вспучился, аки брюхо зверя неведомого, сшитый из разноцветных кусков, красных, синих, желтых и фиолетовых, и ладья вдруг пошла с удвоенной силой, так что гребцы свои весла оставили. Да не кудесы ли?!

Сычонок рот разинул и снова начал думать, что все это свершается лишь в его помыслах. Идет река вспять. И летят по ней какие-то люди. Летят, чтобы отомстить тем вепрям можжевельным, сыромятным. И где-то там, в верховьях реки, и свершится отмщение, и произойдут кудесы: выйдут из полона тьмы батька Василий Возгорь Ржева, драчливый друг его Андрей Зазыба Тумак да умелец Игнат Страшко Ощера.

Неужто они и впрямь мертвы, зарезаны и потоплены?

Сычонок не мог поверить. Вон как праздником голубеет камка⁷⁰ неба. Как солнце в великой радости льет свои лучи. И Сычонка так и подмывает пропеть велелепие⁷¹, как баит батюшка Докука Ларион, всему миру. Как такое может быть, ежели порезаны, побиты и потоплены батька и дядьки?..

То ли блазнь все, то ли сон, то ли кошуна⁷², то ли чье кознованье⁷³...

⁷⁰ Шелковая цветная ткань.

⁷¹ Восхваление.

⁷² Здесь: святотатство.

⁷³ Коварство.

10

Ладья ветер так удачно ловила, что к вечеру до Поречья дошла. Издалека еще деревню увидели, истобки серые, над некоторыми дымки выются, куры белеют у плетней, гуси ходят, лошадь пасется.

Сычонок снова забоялся, но и ровно тот парус наполнился надеждой на что-то... Вот из Гобзы-то и вплывут сейчас плоты.

Ладья причалила у лодок-однодеревков. На берегу уже стояли дети босоногие, светловолосые, в потрепанной одежде, глядели на ладью с парусом во все глаза. Вышли и двое мужиков с бородами, в шапках, один в лаптях, другой босой. На берег с лаем кинулись кудлатые собаки. Заготовали гуси.

Василь Настасьич наказал Нечаю поговорить с мужиками. Нечай сошел на берег, с ним и Мисюр Зима, еще один гребец. Деревенские тоже к ним медленно направились. И Сычонок узнал того Вялицу Кошуру, у которого они со Страшко Ощерой хлеба хотели купить. И у него живот свело от жути почему-то...

Мужики палками отогнали собак. Мальчишки тоже стали швырять в них палками и камнями. Те визжали, отбегая, но все равно лаяли издалека. И гуси не унимались. Василь Настасьич морщился.

На ладье ждали переговорщиков.

Деревенские что-то отвечали Нечаю и Зиме, кивали. Мисюр Зима обернулся к ладье и махнул Сычонку, мол, давай, иди сюды. Мальчик сжался.

– Карась Немко-о-о! – крикнул Зима.

Тут ему дал подзатыльника тот ушастый гребец с замотанным горлом, Иголка.

– Чё, и слух порхнул?

Сычонок оглянулся на него, потирая затылок.

– Иди давай, коли призывают.

И он начал медленно пробираться к сходням. Мужики следили за ним.

На землю Сычонок сошел, а ноги дальше и не идут, подгибаются. Но делать-то нечего. И он поднимается на берег, к мужикам. Те смотрят, обернувшись. Детвора тоже глазеет.

– Ну вот, – говорит Нечай, усмехаясь, – и нашлась твоя очина. Иди к мужикам, оны тебя доставят ужо.

– Э-э, малый, залаз⁷⁴ тебе? Кто истаяти плотовщиков твоих? Али не видал? – начал спрашивать Вялица Кошура, устремляя на мальчика взгляд своих заплывших черных глазок.

Глазки-то хоть и черны были, а во глубине ихней будто две белые снежины так и крутились, вились.

Мальчик глядел на него с ужасом.

– От него слова человеческого не добьешься, – сказал Вялица Кошура. – Безмолвствует, яко каменюка. – Он снова обратился к мальчику. – Еда⁷⁵ кивни. Видал убивцев-то?

Мальчик только глядел на Вялицу Кошуру, и глаза его казались стеклянными.

– Ладно, люди добрыя, – сказал Кошура. – Мы сиротинушку не бросим. Ни! Осе хрест⁷⁶! – И он перекрестился.

– Да у него в Вержавске есть мамка, – возразил второй деревенский, с грубым красноватым лицом мужик и с длинными сильными руками. – Ась?

Мальчик очнулся, взглянул на него и кивнул.

⁷⁴ Опасность, гибельность.

⁷⁵ Здесь: а то.

⁷⁶ Вот крест.

– Ну и добре! – сказал Нечай.

Мисюр Зима потрепал мальчика по голове, и ладейщики отправились обратно. Мальчик смотрел на них. Вот они спустились к ладье, прошли по сходням, убрали их за собой, и ладья отчалила. По воде ударили весла. Детвора, осмелев, тоже спустилась к самой воде. Сычонок смотрел, как ладья уходит по Каспле, – и вдруг рванулся и побежал.

– Ъх! Куды?! – крикнули сзади.

Он добежал до реки и бросился в воду, поплыл. С ладьи его увидели, и гребцы остановились, приподняв весла. Деревенские ребятишки удивленно закричали. Сычонок отчаянно плыл к ладье.

– Чертяка! – воскликнул кто-то.

Сычонок подплыл к ладье и попытался схватиться за борт. Сидевший там мужик оглянулся на Василя Настасьича.

– Эй, пашенок! – гаркнул Нечай. – Ты изуметиси⁷⁷?! Куды прешь?

Мальчик плыл рядом. Ладью начинало сносить течением вниз.

Нечай махнул мужикам.

– Греби, робята!

И некоторые начали грести, а кто и не греб в замешательстве. И ладья снова пошла вверх по реке. А мальчик тут же начал отставать.

– Погодь, – сказал Зима.

И кто-то из мужиков поддержал его. Мисюр Зима встал, обернулся к чернобородому широконосому мужику с кормовым веслом в красной рубахе.

– Слышь, Милятич, достань отрока!

– Давай греби! – велел Нечай.

– Да малец-то потонет, – сказал кто-то.

– Милятич, кому молвлю! – крикнул Мисюр Зима и сам пробрался на корму, нагнулся и подал руку мальчику.

И Милятич тут же согнулся, опустил сильную руку, вдвоем они вытащили мокрого и уже обессиленного мальчика. С него стекали ручьи воды. Глаза его блуждали.

– Ну... ну... чево ты? – спрашивал Мисюр Зима, свесив свой выгоревший чуб.

– Иди сюды, глумный⁷⁸! – позвал Нечай.

И мальчик, спотыкаясь и шатаясь, приблизился к мачте, где сидели Нечай и Василь Настасьич.

Купец обернулся на своем месте к мальчику в мокрой одежде.

– Ну чего, лишеник?! – крикнул Нечай, наклоняясь к мальчику. – Чего тебе тута надобно?

Он схватил мальчика за плечи и сильно встряхнул.

– Ну! Кощей⁷⁹!

И мальчик в отчаянье округлил посинелые губы и засвистел. Тут все мужики перестали грести, так и замерли с поднятыми веслами.

– Ишь, ровно сыч, – заметил кто-то.

Василь Настасьич всматривался в мокрое, искаженное страхом лицо мальчика. И он свистел по-своему и показывал на деревню, мотал головой, хватал себя за шею, потом показывал драку, убийство – убийство своего рослого батьки, убийство ловкого Зазыбы, убийство Страшко, и навь, навь, навь⁸⁰...

– Тут что-то да не так, – сказал со своего места Мисюр Зима.

⁷⁷ Лишился ума.

⁷⁸ Глупый.

⁷⁹ Раб, пленник.

⁸⁰ Воплощение смерти.

– А ты там сиди да греби, – велел Нечай. – Молоть изрядно стал. Воду вот и мели.
Мужики не знали, что содеять, и ладью сносило вниз, и уже берег Поречья проплыл мимо.
А на нем стояли и дети, и те двое мужиков, к ним присоединились еще двое. Все смотрели на ладью. И тут Вялища Кошура замахал рукой. Донесся его хриплый голос:

– Наю, наю⁸¹ малец!

И мальчик замотал головой из всех сил и снова показал навь.

– Да ён на тово указыват! – вдруг сипло воскликнул Иголка со своего места.

На ладье молчали, слышен был хлюп набегающей на борта воды.

– Иже⁸² поубивал твоих плотовщиков? – спросил Василь Настасьич.

И мальчик утвердительно замычал, кивая на Вялищу Кошуру.

Василь Настасьич взглянул на берег, потом посмотрел на Нечая.

– Еда извет⁸³ – сказал Нечай. – Злодей тот мечетный⁸⁴.

– Его туды отдать – на растерзанье, – возвысил голос Мисюр Зима. – То не по-хрестьянски.

– Никшни⁸⁵! – снова окоротил его Нечай. – Хрестьянин якой.

Василь Настасьич молчал, соображая, шевелил на коленях толстыми пальцами. На одном пальце перстенок поблескивал. Мальчик как замороженный на этот перстенок и глядел, глаз не мог уже оторвать, рубиновый камешек напоминал ему звездочку в короне князя-оборотня...

И наконец купец махнул, прочистил горло, сказал:

– Греби!

Когда снова поравнялись с деревенским берегом, Нечай взглянул на купца и тихо спросил, причаливать ли? Но тот отрицательно качнул головой и молвил:

– Давай, налегай.

И мужики начали грести сильнее. Деревня мимо и проходила с ее гусями, детворой, истобками, мужиками. Сычонок боялся туда смотреть долго, отвернулся.

– Оно не нам решать, – сказал Василь Настасьич, обращаясь вроде к Нечаю, а на самом деле ко всем. – Пусть тиун касплянский думу думает и личбу⁸⁶ за лихое выставляет. Не наша это ловитва⁸⁷.

Нечай обернулся к Зиме.

– Слышь-ко! Зима! Вот и тутушкой сам чадо, корм твой, все твое. А я ни крохи не дам, попомни, наказатель лишеник⁸⁸!

– Да хватит и на отрока корму, – сказал кто-то.

И тут будто гора содвинулась с хрупкой спины мальчика, но и ноги ему подчиняться совсем перестали, он тут же опустился подле купца, уткнулся лицом в сложенные свои руки и беззвучно заплакал.

Нечай изменился в лице, хотел крикнуть что-то ожесточенно, да вдруг передумал, махнул рукой и, отвернувшись, подался костистым горбатым носом вперед, к речным лесным поворотам, обрывам, что наплывали на ладью с вечерним светом.

Мужики молчали, дружно взмахивая веслами. Слышен был скрип, хлюп. Да комарье бесновато звенело.

⁸¹ Наш.

⁸² Который.

⁸³ Здесь: Как бы не наговор?

⁸⁴ Воображаемый.

⁸⁵ Молчи.

⁸⁶ Счет.

⁸⁷ Охота.

⁸⁸ Учитель ничтожный, несчастный.

А деревня со своими звуками и дымками уже осталась позади. И скоро вовсе пропала, будто ее никогда и не было. Но на сердце Сычонка она навсегда осталась.

Он уже не плакал, просто сидел, дрожа и никуда не глядя, пока чья-то рука не накрыла его шкурой. И запах у той шкуры был какой-то странный. Не овчинный, не козий, не конский, а собачий, что ли... Или – волчий.

11

Еще два дня ладья шла вверх по реке сквозь густые великие леса, лишь кое-где тронутые топорами местных жителей. Слева осталась сильная узкая речка Жереспя.

Там как раз два мужика на узкой лодчонке мрежу выбирали. Поздоровались. Спросили у них, что за речка, те и ответили: Жереспя. А с этой речки родом была мама Спиридона, Василиса Перепелка. Так чудно у них с батькой вышло: он – Василий, она – Василиса. Возгорь Василий и Василиса Перепелка. А теперь только одна – Василиса, милая, всегда загорелая, с васильковыми глазами, с густыми темными волосами. А у батьки были светлые. Спиридон в батьку цветом волос, а глазами – в маму.

Он глядел на тех бородатых угрюмых мужиков, похожих на каких-то бобров, хотел сказать им, что его мамка-то отсюда, из Бора. Да как скажешь? Он только глядел и вдыхал дивный аромат расцветших черемух.

Вот и сбылась его давняя мечта – поглядеть эту таинственную речку Жереспею. Только лучше бы все было по-другому, с батькой...

Вот впереди показалось большое селение с тем же названием, что и река, – Каспля. Серые и почернелые дома, будто некие живые существа, облепили склоны холмов по обе стороны реки. В отдалении, на зеленом лугу, пестрело стадо коров и овец под присмотром пастуха на пегой лошадке. Слева на горе стояла деревянная церковь. Золоченый крест на солнце поблескивал. И мужики, отнимая руку от весла, крестились. Крестился, сняв шапку, отороченную мехом, и Василь Настасьич. Осенил себя крестным знаменем и мальчик.

Навстречу им плыли сразу две лодки с рыбаками или охотниками. Здравовались, кивая бородами.

Мужики на ладье гребли сильнее, весла рыли касплянскую воду.

И ладья уже шла мимо истоков с плетнями, увешанными тряпками, горшками. На ладью глазели чумазые ребята, бабы. У костерка в одном месте под раскидистой старой ивой сидел белобородый дед, сушил портянки, лапти. И белая его борода была мокрой, липла к груди. Наверно, рыбалка не задалась или еще чего.

На берегу лежали перевернутые вверх дном лодки-долбенки, весла. На кольях сушились мрежи. Видно было, что касплянцы живут рекой.

Да и в самом воздухе царил дух речной, дух тины, да рыбы, да сладкой воли...

Ладья огибала холм с церковью, глубже входя в селение.

Снова горел костер на берегу, и два парня в большом котле варили что-то... По запаху вскоре и ясно стало: уху. Они встали и смотрели на ладью, кивали гребцам.

Дальше у самой воды паслась лошадь с жеребенком.

Ладья обогнула холм с церковью, и тут все увидели, что река-то выходит из озера. Озеро загибалось за сосновую гору справа. Оттуда набегал ветер, шевелил волосы гребцов.

Нечай велел причаливать к левому берегу, если смотреть против течения. Там был удобный заливчик. На воде покачивалась длинная лодка-однодеревка, привязанная к столбу. Еще три лежали на берегу, перевернутые кверху дном. А подальше была видна и новенькая ладья. И возле нее дымилась смолокурня. И мужик с мальчиком смолили ту ладью, ловко орудуя палками, обвернутыми тряпками. Заметив появление ладьи, смолокуры оставили работу, стояли и глазели. Тропинка уходила вверх, к деревянной башенке. Еще дальше стоял большой дом, крытый соломой.

Наконец чернобородый мужик в расстегнутой рубахе на волосатой груди что-то сказал мальчику, тот быстро взбежал по тропинке и вскоре появился снова. Теперь его сопровождал

кривоногий мужик с копьцом, в калантыре⁸⁹ и высокой войлочной шапке. Возле него крутилась кудлатая собачка. Она то взлаивала на пришельцев, то умолкала и заглядывала в лицо хозяину.

Гребцы скинули сходни, и первым на берег сошел Нечай, за ним двое гребцов, потом Василь Настасьич и остальные. Поздоровались с протозанщиком. Спросили, где тиун Зуй Жирославич. Али уже кто иной? Нет, отвечал протозанщик, откашливаясь. И Нечай с Василем Настасьичем поднимались по тропинке и вместе с протозанщиком шли к большому дому под лай собаки. А мальчишка-смолокур медленно сходил по тропинке, разглядывая гребцов, ладью. Гребцы с хрустом потягивались, взмахивали руками, крутили головами, разминая затекшие шеи, переговаривались.

– Ну, якая у вас тут жисть, в Каспле-то? – спрашивал чернобородый крутоплечий большеносый Милятич.

– Знамо дело, – отвечал мальчик, стараясь придать голосу уверенность.

Милятич усмехался.

– Што знамо-то?

– Да того, – отвечал мальчишка, оглядываясь на мужика у новенькой ладьи.

– Рыбка есть, зверь водится? Жито родится?

Мальчишка кивал.

– Знамо дело...

Гребцы смеялись.

– Где порты-то утерьял, чудо? – вопрошал Иголка. – Али сел на смолу да приклеился?

Мальчишка больше ничего не говорил, а боком, боком уходил к смолокурне и новой, перевернутой вверх дном ладье.

Нечай с купцом отсутствовали некоторое время. Наконец появился один Нечай. Сычонок исподлобья следил за ним. И тут Нечай отыскал его глазами и махнул рукой.

– Карась Немко! Давай, на спрос к Зую Жирославичу. Живо!

И Сычонок поглядел на Зиму. Тот кивнул ему.

– Иди, отсюдова и домой вернешься.

А уж Сычонок и не хотел домой-то возвращаться. По нраву ему пришлась эта жизнь на реке. Да и тайный умысел у него появился. Захотелось ему искусити⁹⁰ судьбу. Он крепко запомнил сказанное Страшко Ощерой о том волхве, что живет меж двух гор. И ведь судьба-то и повернула вдруг реку вспять – ну, не реку эту или ту, а направление: пошел он в обратную сторону – и уже дальше, к Смоленску. А Хорт – тот за Смоленском и живет.

Что-то будет?..

И он поднялся по тропинке, прошел мимо протозанщика, вошел в избу. Там было сумеречно, после яркого солнечного дня – почти темно. Только окошки слюдяные и светлели. Мальчик моргал, озираясь. Слева белела печь. Вдоль стен тянулись полати. Посредине стоял большой стол. На нем крынки, плошки. За столом и сидели Василь Настасьич и, как видно, Зуй Жирославич.

Нечай дал мальчику легкого подзатыльника, принуждая подойти ближе. Мальчику так обидно стало, что он чуть не вцепился зубами ему в руку. Но удержался. Кто знает, как оно все повернется. Может, с Нечаем и остальными все же удастся ему и дальше пойти. Желание-то у него уже твердым стало: обрести речь.

И он приблизился к столу. Тут он уже получше разглядел Зуя Жирославича. Это был плотный мужик с серебристой головой, серебристой же небольшой остриженной бородкой,

⁸⁹ Калантырь – кожаная рубаха с нашитыми металлическими пластинами.

⁹⁰ Испытать.

острыми скулами и узкими глазами. На нем был потрепанный опашень⁹¹ неопределенного цвета. Шапка из тонкого сукна была сдвинута на затылок. Василь Настасьич пил что-то из деревянной кружки и глядел на мальчика.

– Выходит, ты немко, – проговорил Зуй медленно, рассматривая мальчика. – Сам с Вержавска?

Мальчик смотрел.

– Осе ответствуй же, – сказал Нечай и схватил цепкими сильными пальцами мальчика за шею. – Убо. – И он наклонил голову ему. – Али убо. – И он покрутил головой мальчика, как будто тот был куклой из потешного зрелища.

Мальчик вырвался от него, сверкая зло глазами.

– Ишь, аспид, – пробормотал Нечай.

– Кто тебе были те плотовщики? – продолжал спрос Зуй Жирославич. – Родичи?

Мальчик кивнул и показал палец, мол, один и был родичем.

– Ага... Один. – Зуй тоже кивнул. – И на вас напали, мужиков прибили?

Мальчик кивал.

– А ты утек?

Мальчик насупился, кивнул.

– А видал ты тех убивцев-то? Сможешь опознати?

Мальчик подумал и отрицательно покрутил головой.

– Погодь, – подал голос Василь Настасьич. – Обаче⁹² ты же указывал на тех жильцов из Поречья, что на береге стояли-то?

Мальчик посмотрел на него.

– В воду от них аки угорелый кинулся, – подтвердил Нечай.

Мальчик смотрел в пол, сопел.

– Вот нелюбие⁹³! – воскликнул Зуй Жирославич. – И крамола вновь от Поречья!

– Да долго ли туда на лодке сходить? – спросил Василь Настасьич. – Там прямо и все искусити. И коли жители убивцы, изымати⁹⁴.

Зуй Жирославич посмотрел на купца.

– Быстро сказка сказывается, – проговорил он. – А тут на деле намучаешься. Да еще с этим немко. Наказанье господне... В том Поречье одне ушкуйники и живут, хуже сыроядцев клятых! Каждый год, яко льды вскрываются, оне крамолу и куют. Пограбляют купечество али богомольцев чрез нас до Кыёва пробирающихся. Нету силов с имя справиться. Войной, што ль, на их идити?

Зуй Жирославич задумался. Василь Настасьич налил себе в кружку из кринки, выпил, вытер усы.

– Грамоте не разумеешь? – спросил Зуй Жирославич мальчика.

Тот покрутил головой.

– Ах ты... нелюбие так нелюбие...

– Выходит, сперва грамоте обучить его надобно, – с усмешкой молвил Василь Настасьич. – Али такого же немко сыскать, да грамотного. Оне друг дружку враз поймут.

– Небось, есть у них разумеющие такую-то беседу немко, на пальцах. А нам, сирым, оно недоступно. Враз запутаешься в этом необытном⁹⁵ деле. Да и все одно тех кощеев придется в Смоленск справлять, – говорил Зуй Жирославич, морщась и узя и без того узкие глаза. – И

⁹¹ Долгополая летняя одежда из сукна с пуговицами.

⁹² Здесь: но.

⁹³ Досада.

⁹⁴ Схватить.

⁹⁵ Скверном.

давно прошаю силы у смольнянских тиунов на tych поречских ушкуйников: дайте дружинников, враз с имя поладить сумею. Не дают... Обещаньями кормят. Известно, от слова до дела сто перегонов... Сулить – дело боярское, исполнять – нашенское. А знаешь что, – сказал он, вскидывая глаза на купца, – повезут робята твой товар прямо сегодня, найдутся коло⁹⁶. До самого Днепра и доведут. Обаче! Ты возьмешь немко с собою и отведешь в граде княжеским тиунам.

Василь Настасьич посмотрел на Сычонка.

– Яко это – с собою?..

– А вона. Забирай, – сказал Зуй Жирославич и махнул рукой на Сычонка. – Пуцай тама и попекутся, помозгуют сами. Убо, можа, пошевелиятся. Своих умудренных пытателей шлют. А про меня скажи: не застиг, в отъезде Зуй Жирославич бысть.

– И ты поприяи⁹⁷ прямо сейчас? – спросил Василь Настасьич.

– А то якоже⁹⁸. Мое слово! – ответил твердо Зуй Жирославич. – Будет тебе коло. А мужики потянут ладью вверх из озера по речке до самых до верховьев. А тама волоком – и в Днепр. Ежели не желаешь тут ладью-то оставить на сохранение.

– Да не, – отвечал Василь Настасьич. – В Смоленске поторгую, а оттудова на Киев пойдем с другими ладьями. А оттудова хочу и к Царьграду.

– Вона какое у тебя рачение⁹⁹!

– То не рачение, – отвечал Василь Настасьич. – А кобь¹⁰⁰ купецкая.

Зуй Жирославич засмеялся сухо, зло, но и весело.

– Прикобили¹⁰¹ табе, Василь Настасьич! Вот! Решено?

– Решено, – отвечал купец, взглядывая на мальчика, на Нечая.

Нечай покосился на Сычонка.

– Снова возня с этим телком.

– А ты, малец, – сказал Зуй Жирославич, – князю-то в ноги и пади да все поведай... ну, как сумеешь. Пуцай напускает на Поречье дружинников и своих тиунов, правез им тама чинит. А хоть и вовсе куды переселяет, тама у их тать на тате татем погоняет. Пуцай заставят поречских рылом хрен копать.

Василь Настасьич просмеялся, обернулся к Нечаю, оглаживая бороду.

– Нечай, давай-давай, ступай, вели мужикам все выгружать. Будут сейчас коло. А малого мы доставим куды надоть.

И Нечай повернулся, пошел и мальчик. У двери Нечай схватил мальчика за плечо и встряхнул.

– Куды наперед лезешь?

И он дал ему снова затрещину.

Мальчик оглянулся на обидчика.

– Не зырь, а беги, Карась Немко! Вели робятам носить все на землю! – гаркнул Нечай и захохотал своим скрежещущим, каким-то ржавым смехом.

⁹⁶ Телега, колесо, повозка.

⁹⁷ Окажешь содействие.

⁹⁸ Как.

⁹⁹ Страсть.

¹⁰⁰ Здесь: счастье.

¹⁰¹ Приворожили.

Часть вторая

Смядынь

1

Весенний Смоленск плыл над Днепром в облаке легкой яркой зеленой листвы на *горах*, в резких криках чаек, горластых петухов, вороньем грае, мычанье коров и собачьем лае. На главной *горе* высился собор, и его, и холм называли Мономаховым, или Детинцем, а по другим *горам* и в низинах стояли церкви, деревянные и каменные.

Горами смольняне именovali мысы оврагов, выходивших из глубин города к Днепру. По оврагам стекали ручьи. Был ручей Егорьевский, Пятницкий, Воскресенский ручей еще, были ручьи Зеленый, Ильинский на другом берегу Днепра. Бежали и речки – чистая Рачевка, полная раков, Чуриловка на закат солнца, Городянка на том берегу Днепра. Истобок в граде было видимо-невидимо, всяких, и таких, как в Вержавске, или в Поречье, или в Каспле: низких, крытых соломой, корьем, с бычьими пузырями в крошечных окошках. И больших, со слюдяными окнами. И даже были терема с окнами над окнами, в два яруса.

Смольняне жили повсюду, как и в Вержавске: не только за валами и дубовым тыном, коими было обнесено почти все левобережье с *горами*, но и вдоль Днепра, и на правом берегу. Здесь как будто было два Вержавска, нет, три или четыре!

У Сычонка глаза разбегались.

А у пристаней стояли большие ладьи с цветными парусами, да на берегах всюду лежали лодки-однодеревки, лодки с надставленными бортами, маленькие плотики. И всюду вились дымы смолокурен. А мужики, по пояс голые, мускулистые, с охваченными ремешками волосами, смолили лодки и ладьи. А иные тут же и рубили топорами лодки из цельных стволов дуба.

Не брехал Ивашка Истома, Ларионов сын. Град бысть велик и мног людьми. А по улицам, на которых лежали деревянные мостки, ходили бабы в цветастых убрусах, шерстяных и суконных понёвах, препоясанных вязаными ремешками, в платках, а иные вельми нарядные, в червленых али зеленых и голубых платьях с широкими рукавами, в накидках, шитых золотом, что ли, в блестях и с такими кольцами и бубенчиками, свешивающимися с коруны, – ну будто все княжны али царевны. И девушки с косами, стеклянными бусами, а иные в ожерельях, как будто птицы какие заморские. Или шла даже старуха в такой кике¹⁰² – ну, прямо башня. Только та башня была изукрашена жемчугами и бисером. Таких изрядных женщин не было в Вержавске. Ну разве что жена посадника Улеба Прокопьевича да его дочки. А тут – все как будто жёнки посадниковские. Ну и кудесы. Конечно, и мужики там ходили в войлочных и суконных шапках, треухах, в портах, заправленных в кожаные сапоги, и в серых рубахах, в суконных зипунах, в однорядках, а то и в охабеньях с пуговицами, как тиун Зуй Жирославич в Каспле. И среди них мальчишки, юркие, востроглазые, в пошевнях¹⁰³, иные, правда, в онучах и лаптях, а то и босые вовсе, но эти, видать, приперлись откуда-то из лесов.

А Спиридон хоть и не из леса, из города Вержавска, а босой. И ведь как на грех с цветением черемух-то установились холодные деньки, серые, прозрачные.

Как купец Василь Настасьич и его люди добрались до Смоленска, так про Спиридона из Вержавска и забыли. Иди куды хочешь. Все глядят на град с церквами, на баб. У купца свои заботы: сговориться с другими купцами, чтобы вместе идти вниз до Киева, так-то безопаснее,

¹⁰² Головной убор в виде короны.

¹⁰³ Мягкая обувь без каблуков из невыделанной шкуры.

чем на одной ладье-то. И полоцкий товар распродать, а смоленского прикупить. А тут еще стало известно, что зря они сюда-то сразу поднялись, все купцы причаливали ниже, у Смядынской пристани. Так что надо чуть ниже спуститься на ладье. Нечай, ладейщик главный, про то ведал, но уж сильно всем хотелось ближе к городу подойти и все рассмотреть с ладьи.

И мальчик эту свободу сразу почуял. Ободрился, но скоро и сник. Вот он, град громадный, что же он ему скажет? Где путь к тем горам Арефиным?

Тут Спиридон опомнился.

Да вот же – Днепр, большая, сильная река с чайками и отражениями церквей. На этой-то дороге не заблудишься. Надо только отыскать лодочников, плывущих вверх.

Но пока мальчик, замороженный, ходил по-над Днепром, у валов и дубового тына. Глазел. Увидел, что люд спокойно во врата сразу от Днепра проходит, и тоже пошел. Но, приблизясь к протозанщикам в кольчугах и шишаках, с мечами и копьями, сробел. Да и не протозанщики то уже были, а настоящие вои.

Мальчик остановился, переминаясь. Черноусый стражник на него покосился.

– С откудова такой притопа-то? – спросил зычно.

«С Вержавска», – хотел сказать Сычонок, да разве скажет.

И он только смотрел на стражника.

– Чего пялишься? Али язык проглотил, чудило?

Спиридон молчал.

– Да ён змерз босый-то, – подал голос другой воин, с небольшой бородкой, светлыми бровями и длинным носом.

– Так думаешь, там согреешься? Оно что там, что тут: холода черемуховые... Ну, не топчися, проходи, чумазый, в наш Цареград смоленской.

Второй стражник рассмеялся. И мужики, что шли с мешками за спиной, тоже засмеялись.

– И коли не перевертень! – воскликнул другой стражник.

Сычонок думал, сейчас его и схватят. Но никто и не думал его трогать. И он прошел в город. И сразу направился к горе с большой церковью – то был собор Успения Богородицы. Ему об этом еще Ивашка Истома поведал.

Собор был весь из камня. А луковка золотая. И крест золотой. Только не сверкали, ибо день был хоть и ясный, но не солнечный. Сычонок хотел подняться на ту гору, но вдруг передумал и пошел налево, к ручью. Сел на берегу и начал умываться. С чего-то ведь тот вой его чумазым-то обозвал. Умылся хорошенько, рукавом утерся. Поглядел на ноги. И принялся ноги мыть, хоть и так озяб-то. Да что поделаешь. Тер скору¹⁰⁴ песком. Все равно чуть прошел по дороге, снова ноги черными стали.

Хотел опять на гору к собору подняться, но тут его привлек густой дым с искрами из-за кустов, звонкий перестук. Пошел туда, глянул: во дворе кузня. Печь с мехом, наковальня. Мехами управляет коренастый отрок. А с молотом простоволосый курчавый мужик в портах, рубахе и кожаном фартуке. Ударяет гулко-звонко по огненной железке, только концы его черных длинных усов болтаются. А у отрока все лицо как у черта перепачкано. Вот он случайно оглянулся, заметил Сычонка, отвернулся. Снова мехи качает рычагом. Опять оглянулся. Серые глаза так и сверкают. Сычонок смотрит, с ноги на ногу переступает.

– Ну, чего вылупился?! – баском крикнул отрок.

Ковач обернулся к нему. Тот кивнул на мальчишку. Ковач поглядел.

– Да ён шибко зяблый, – вдруг послышался женский голос.

Мимо шла низкорослая баба в старом рваном убрусе, с ведрами, полными воды.

– Возьмите погреться-то, – снова подала голос та баба, проходя дальше по тропинке.

Отрок с перепачканным лицом равнодушно отвернулся. Ковач взмахнул молотом.

¹⁰⁴ Шкуру.

Дзыньк!

Опять взмахнул.

– Иди сюды, малый! – скрипуче сказал и снова ударил.

Дзыньк!

Тогда Сычонок и вправду прошел во двор, остановился. Ковач и его подмастерье поглядели на посиневшие его ноги да и на лицо, тоже синеватое. И отрок кивнул, мол, иди ближе. И Сычонок подошел к горнилу, протянул руки, шурясь на рдяное нутро. Оттуда пышело жаром. И волна озноба сотрясла все его тело. Потом другая. Он тянул руки, растопыривал пальцы, ловил животом, грудью жар Смоленска. И только теперь вдруг понимал: Смоленск, то и есть Смоленск вокруг, град великий днепровский. Его они с Ивашкой Истомой тщились узреть с колокольни Вержавска.

И вдруг он сам прямо здесь и оказался.

Но один как перст, без батьки Возгоря... И ужас той ночи на Каспле внезапно оковал его цепко и колюче.

Дзыньк!

Сычонку поблазнилось, что он сейчас же мигом рассыплется. Еще удар – и свершится.

Дзыньк!

И ничего не произошло.

Он обмяк, чувствуя всем телом густое рдяное тепло. Оно вливалось в него, как новая горячая кровь. И его щеки уже пылали, глаза блестели.

Мягкая волна застилала глаза, томила сердце, Сычонка клонило в сон. Он опустился на корточки. Парень глядел на него насмешливо. Спросил, кто он таков и откуда? Сычонок туманно смотрел на него.

– Дать по башке, чтоб забаил? – спросил парень с шутейной угрозой.

Неожиданно забрехали собаки. А на Сычонка почему-то не залаяли, когда он здесь появился. Видно, мягко ступал, али ветер запах сносил...

Послышались голоса.

И окрик:

– Эй, Треня Ус! Слыш-ко!

На двор входили двое, оба в зипунах, заломленных шапках, опоясанные ремнями с кинжалами, в сапогах, брадатые, похожие друг на друга, только один потемнее, другой – рыжеватый. Ковач прекратил свою работу и выжидательно смотрел.

Оба мужика в зипунах остановились посреди двора.

– Ну?

– Ага...

Это они промолвили и выжидательно, с вызовом и насмешкой, уставились на ковача. Тот погладил свои длинные усы, глядя исподлюбья.

– Лепота-а-а¹⁰⁵... – молвил рыжеватый.

Грудь ковача вздынулась и опустилась.

– А бо¹⁰⁶ ты, Треня Ус, и не желаешь dokonчания¹⁰⁷? – спросил другой, тот, что потемнее. – Ковы¹⁰⁸ разводишь? Куешь, неключимый¹⁰⁹ ты поганец, крамолу?

¹⁰⁵ Красота.

¹⁰⁶ Здесь: ведь.

¹⁰⁷ Согласия, мирного договора.

¹⁰⁸ Козни.

¹⁰⁹ Негодный.

– В коросту¹¹⁰, что ль, тебя закатывать? – подхватил другой. – Вместе с молотом и мехами, ась? – С этими словами он шагнул к продолжавшему качать меха рычагом парню и дал такую затрещину, что тот чуть с ног не свалился.

Ковач с молотом шагнул было к нему навстречу, но его остановил окрик второго:

– Треня Ус! А ну не леть!.. Не кобенься, закоснелый¹¹¹. Али забыл, что князь велел всем ковачам града переносить свои кузни на окраины, к речкам и ручьям?

Ковач Треня Ус утер потное лицо и указал на кусты, за которыми и бежал ручей чистый.

– Так вон и Егорьев ручей.

– Аще¹¹² окраина? – спросил рыжеватый, кивая на близкий холм с собором. – Кругом истобки все да из дерева, али не чуешь? Забыл пожар велий прошлой зимы? Снова петуха запустить по истобкам?

– Да переезд мне труден, – заговорил хрипло-скрипуче ковач. – Кто тама на краю подвинется? Места даст? Иде? На Крылошанском конце, на Рачевке? Тама не провернешься, все позанято. Али на Пятницком конце? Тама торг. На Смядыни? Тама пристань, смолокурни, плотники лады рубят. Монастырь. Две церкви. Ну куды мне?

– А хоть за Днепр, на Ильинский конец! – отрезал темный слуга князев.

– Эва куды! – воскликнул ковач. – Кто ж зачнет ко мне ходить? Это ж и мне уплати, и лодочнику уплати. Как кормыхатися¹¹³ буду?

– А то не наша боль, – сказал рыжеватый. – А наше табе последнее казание¹¹⁴. Не тyani, Треня Ус! Гляди! В другой раз все поломам, порвем твои меха, побьем горн, а самого под плети потащим на правеж. И твоего подмастерья... – Рыжеватый грозно глянул на парня с перепачканным лицом, а потом обратил внимание и на Сычонка. – А што у тебя за лишеник?

– Не вем¹¹⁵, греется малый, – отвечал неохотно ковач.

– А ну поди сюды, – позвал рыжеватый, поглаживая усы и подбоченясь другой рукой.

Сычонок оторвался от тепла и осторожно приблизился к нему, взглянул сине исподлобья.

– Ишь, морские глаза, – усмехнулся князев слуга. – Ну, толкуй, кто таков будешь? Чей?

Откудова?

Сычонок молча глядел на него снизу.

– Чего в рот воды набрал?

– Да он все помалкивает, – сказал ковач Треня Ус.

– Кто таков, говорю? – повторил рыжеватый. – Иде matka, батька? Али ничейный?

Сычонок молчал. Рыжеватый оглянулся на товарища. Тот махнул рукой. Но рыжеватый не отступал.

– А я счас язычок-то тебе да развяжу, коли узелком он у тебя закручен. – И он поднес к лицу мальчика кулачище, заросший рыжими волосами. – Будешь баить?

И Сычонок быстро кивнул.

– Ну?

Тогда мальчик притронулся пальцами к губам и покрутил головой, развел руками. Рыжий, и темный, и ковач с пареньком пытливно глядели на него.

Рыжий засопел, свирепея.

– Да ён безгласный, Ефим, – остудил гнев друга темный. – Так ли? – обратился он к мальчику.

¹¹⁰ В гроб.

¹¹¹ Закоснение – отлагательство, задержка, запущение. Здесь: неисправимый.

¹¹² Здесь: разве.

¹¹³ Кормиться.

¹¹⁴ Наставление, увещание.

¹¹⁵ Не ведаю.

И тот кивнул.

– Язык урезан? – спросил рыжий. – Кошунствовал? А?.. Ну, покажь.

И мальчик высунул язык.

– А-а-а... Ишшо все у тебя впереди, – ухмыльнулся рыжий.

– Да как же будет извергать хулу, ежели баить не умеет? – возразил второй.

– Письму обучится.

– Ну, тогда ему глаза-васильки сорвать придется, аки цветочки... А ты грамоте не разумеешь? – спросил темный.

Мальчик отрицательно покрутил головой.

– Мамка, батка у тебя есть? – продолжил расспрос темный.

Как мог Сычонок на такой вопрос ответить? Он и отвечал *невнятно*: и да, и нет. Темный махнул снова рукой.

– Ай, мученье одно. Давай-ка дуй отсюда, чтобы и духу твоего не было! Ну, кыш! Пшел!

А рыжий хотел ему вклепить затрещину, но мальчик увернулся и побежал.

– Только пятки сверкают, – сказал темный.

– Да они у него, как копыта у черта, – отвечал рыжий.

И оба захохотали смехом, как два немазанных колеса тележных по булыжной мостовой.

И тут уже собаки всей улички бросились с лаем за беглецом. Они догоняли мальчика, норовя ухватить и за пятки, и за лодыжки, и за руки. Сычонок добежал до большого дерева, хотел на него взобраться, да нижние ветви все были обломаны, он только ободрал себе грудь да порвал рубаху, пытаясь допрыгнуть до нижней ветви. И не смог. А собаки, хрипя и визжа, окружили его, насакивая. Он обернулся, прижался спиной к морщинистой коре дерева, ища глазами палку или камень... Ничего не было рядом! От отчаяния он взял и засвистел по-своему: округло и таинственно, будто лесной дух, застигнутый врасплох в городе. Все собаки онемели, замерли. Видать, им еще не доводилось слышать так рядом лесной этот посвист... Но пауза длилась мгновенье. И тишина лопнула яростным лаем, визгом, завыванием, хрипом. Свора уже нешуточно набросилась на странного пришлеца.

Да тут в самую гущу лохматых тел врезался камень, и собаки взвизгнули жалобно. А следом полетел еще один камень, да покрупнее, хороший булыжник. Псы, скуля и визжа, откатились от дерева с прижавшимся к нему мальчиком, озираясь, соображая, не накинута ли на обидчика. Но обидчик в черной рясе и черной шапочке на длинных черных волосах сам шел на них, размахивая палкой и что-то крича. И те, огрызаясь, отбежали в сторону.

– Сучье племя! – звонко кричал молодой смуглый монах. – А ну не леть!

Он снова нагнулся, подобрал камень и запустил в свору. Собаки отбежали еще дальше и лаяли издали, не смея уже приближаться. Иные и вовсе трусили прочь. За черной фигурой они признали власть и силу.

2

По улице Великой вдоль Днепра монах увел мальчика из огражденного града в слободу Чуриловку на Смядынь, где был монастырь Бориса и Глеба.

Монастырь стоял посреди зеленеющей луговины. Был он весь деревянный: деревянная ограда, обмазанная глиной и выбеленная; деревянные ворота и сторожка; внутри деревянные избы-кельи, деревянная трапезная, поварня и, наконец, деревянный храм с колокольной. Поблизости разбиты были огороды. А в самом монастыре меж кельями рос сад древесных овощей¹¹⁶: яблони, сливы и вишни. Яблони-то сейчас как раз и цвели розовым и белым.

Сычонок как вошел, так и почуял их аромат. И хотя день был бессолнечный, вокруг яблонь трудились бабочки, мухи, пчелы и шмели.

Он думал, что этот смуглый монах с курчавой черной бородой и черными бровями, из-под которых как-то странно, тепло и вместе с тем тревожно, светились глаза орехового цвета, совсем молод, но на той улице Великой, по которой они шли, бабы и мужики ему кланялись, а иные спешили подойти и, получив благословение, лобызнуть руку, говоря: «Отче Стефан». Разговаривал он со всеми как-то одинаково, с нутряной улыбкой.

В монастыре спрашивали, кого это он привел? Стефан отвечал, что имя отрока неведомое, ибо Господь замкнул для чего-то его уста, наложил на малого печать молчания.

– Эх, да мало ли их тут бродит, лишеников неприкаянных, – сказал один монах с широким носом и налимьими усами, спадавшими на жидкую броду. – Коли всех привечать, обо всех печися¹¹⁷, самим придется ходить побираться Христа ради.

Стефан отвечал со своей улыбкой:

– Брат Феодор, другие хотя бы с шавками совладать умеют. А этого, аки зверя лесного, волка, в осаду взяли у дуба под Соборным холмом. Едва не разодрали на куски. Видать, отрок зело дивий¹¹⁸. И ведь жалко, коли такие васильки склюют вороны.

Брат Феодор уставился маленькими мутноватыми глазенками на Сычонка.

– И какого ты роду-племени, каковое носишь имя? – спрашивал этот монах Феодор.

Но Стефан остановил его, сказав, что сперва надобно дать мальчонке хоть кусок хлеба, да соли, да квасу. И он отвел его в трапезную. Там молодой инок со светлыми волосами и какими-то удивительными раскосыми синими глазами, безбородый еще и безусый, подал мальчику деревянную миску с холодной кашей, кусок хлеба, соль и луковицу да, чтобы все запить, кружку кислого квасу. Мальчик схватился было за ложку, но инок сей дал ему щелба-нец с приговором:

– Не молясь даже поганый не кушает!

Сычонок пригнул голову, оглядываясь на нависшего сбоку раскосого инок.

– Лука! – остановил инок Стефан, поднимая руку. – Окстись, не может малый вслух читать молитву. Безгласен он, аки анахорет-молчальник из пустыни Египетской.

Лука зыркнул своими раскосыми синими глазами, как-то напрягся, словно сиюсь не упустить окончательно эти свои разлетающиеся чайками глаза, облизнул узкие губы и выпалил:

– Так пуцай читает аки вумную Иисусову молитву¹¹⁹.

Стефан посмотрел на мальчика. Его глаза были прозрачны, проницательны.

– Оно еще неведомо, разумеет ли хоть едину молитву, – проговорил он.

¹¹⁶ Так называли тогда фрукты.

¹¹⁷ Заботиться.

¹¹⁸ Дикий.

¹¹⁹ Умная Иисусова молитва читается постоянно мысленно.

Но Сычонок решил вступить в разговор и кивнул. Он знал одну молитву, отец Возгорь его выучил. «Отче наш»...

– Тогда читай, – сказал Стефан.

И мальчик начал читать эту молитву про себя: «Отче наш! Иже еси на... на... небеси...» Но дальше продолжить не смог, слезы потекли по умытому в ручье Егорьевском лицу, закапали в миску с кашей. У монахов, и у того раскосого инока, и у Стефана, лица как-то вытянулись. Но у Стефана ореховые глаза вдруг стали еще прозрачнее, и он просто погладил мальчика по голове, не говоря ничего.

– Ладно, ешь, пока каша супом не обернулася, – сказал он.

И они вышли из трапезной, оставив Сычонка одного. А тому и есть уже не хотелось. Он думал о батьке Возгоре, о Страшко Ощере и Зазыбе Тумаке. Как же так-то стряслось? Что за злой умысел свершился на реке Каспле? Зачем они сунулись туда, эти неведомые злыдни? Побаловаться хотели? Украсть плоты? А если бы Зазыба был нравом потише, то и не подрезал бы того парня. Ну, надавали бы тумачков, затрешин. А то и связали, выпытали б, кто такие и откуда, да и пошли б за вирой¹²⁰ в Поречье или куда там еще. Как же все вмиг и страшно решилось! Да мало ли тех дубов в верховьях Гобзы. Рубить не перерубить, сказывал батька. Ну и пошли бы еще с осени мужики из Поречья в верховья-то с топорами да валили бы крепкие дубы... Но тут Сычонок припомнил, что пореческих вержавские туда не пускали. У каждого свой удел, так говорили. Вы, мол, поречье, свое на Каспле берите и вокруг, ну и сколько-то поприщ¹²¹ вверх по Гобзе. А дальше – не леть! Наше, вержавское, и рыба вержавская, и зверь, и дубы. Ежели кого чужого поймают в угодьях вержавских, враз наваляют по шеям, все отнимут. А то и здоровье похитят. Могут и живота гонезе¹²². Это уж как получится. Верховья-то Гобзы, конечно, богаче касплианских уделов. Но зато мимо Поречья купцы все лето идут и вверх, и вниз, и они с того кормятся. И только в эту зиму совсем оголодали да озверели. Сказывали, что осенью на них пришли лихие ладейщики откуда-то, то ли варяги, коих давно уж не было ни слышать, ни видать, то ли полочане с Двины, а то и другие недруги лихие, шиши лесные, речные...

И мальчик, припоминая эти рассуждения отца, Страшко Ощеры и Зазыбы, понемногу успокоился, снова взялся за ложку – и уж не выпустил, пока не съел кашу пшеничную до последнего зернышка, и хлебушек умял, не уронив ни крошки, с едким луком и с солью, а потом все запил квасом и не поморщился, хоть и ужасно кислой тот был.

Что ж, он мог бы съесть еще столько же. Да раскосый тот инок больше не дал. Велел вымыть ложку и плошку на дворе, у бочки с водой. Спиридон то и сделал. Стефан куда-то ушел. И Сычонок не знал, как ему дальше-то быть. Он сел на лавку в трапезной. Но тут снова появился Лука и позвал с собой – воду таскать. Вдвоем они вышли с бадьей за ворота. А тут сразу направо, под ивами, молодо зеленеющими, с перелетающими воробьями и синицами, был колодезь с чистой водой.

– Зришь сию воду? – спросил Лука.

Сычонок кивнул.

– Бо¹²³ не простая вода, ведаешь?

Сычонок отрицательно pokrutil головой.

– Сице¹²⁴ я тебе сказываю: святая вода-то. Поклонися колодезю.

Сычонок недоверчиво посмотрел на него.

¹²⁰ Денежная пеня за убийство, увечье или иное преступление.

¹²¹ Поприще – примерно километр.

¹²² Жизни лишить.

¹²³ Здесь: ведь.

¹²⁴ Так.

– Чего васильки свои пучишь-то? Кланяйся, глаголю!

И Сычонок взял и поклонился колодезю.

– Ниже! – потребовал Лука.

Сычонок поклонился ниже.

– Осе сице¹²⁵!

Что ж, дело немудреное. Бабка Белуха то и баила всегда, что в реках и всех водах, а особенно в криницах и ключах, живут силы. Вот и Сычонку они пособили: покрошил им хлеба с яйцом в Гобзу и попал на плот к батьке... Да только чем все кончилось?.. Сычонок помрачнел.

– Чего клюв в землю метишь? Не чуешь дивной силы от колодезя? – Он зачерпнул деревянным ведром воды и велел мальчику: – Пей!

Сычонок взял наполовину наполненное ведро, отпил холодной и чистой воды, поставил ведро и утер губы.

– Ну что? – спросил Лука.

Сычонок переминался с ноги на ногу. Снова ему было холодно. После еды-то потеплее стало, да ведь солнца как не было, так и нет, а ноги босые.

– Не чуешь?! – не отступал этот Лука, и глаза его так и норовили улететь куда дальше, видно, им тоже надоел их хозяин.

И Сычонок пожал плечами.

– Ах ты дебрь поганая! Да христианин ли ты, кощей?

Тут Сычонок утвердительно кивнул.

– Да? – не поверил Лука. – А покажь крестик-то тельный?

И Сычонок вынул железный крестик на суровой нитке и показал этому Луке. И тот собрал своих птиц-чаек к острому носу и напряженно всматривался в крестик, словно не мог враз все разглядеть и разгадать. Нет, ему надо было как-то еще по-особому удостовериться. И он протянул руку, чтобы потрогать крестик, но Сычонок уклонился. Он хорошо помнил наказ батьки: не давайся никому в руки, сынок, а пуще всего крестик тельный береги от чужих лап.

– Тю-ю! – протянул Лука. – Экой недотрога. Да мои персты чище твоих помыслов, лесовик ты темный. Ну, говори, иде твоя истобка? Сознавайся тут же. В лесу? Дебрь тебе одрина¹²⁶? Чашобища с пнями и ямами? Медведь твой пестун¹²⁷?

Он даже схватил мальчика за руку и сильно потряс ее. Сычонок высвободил руку.

– Ладно, – сказал Лука. – Давай черпать воду... Но прежде узнай, что это за вода такая здесь лагвицу¹²⁸ исполнила.

И он поведал мальчику про братьев, сынов великого князя Владимира, осенившего крестным знаменем всю землю Русскую, Бориса и Глеба, которых по смерти батюшки-князя решил известить другой их брат – Святополк, названный Окаянным после претворения своего подлого замысла.

Вначале он настиг брата Бориса. В тот час богоблаженный Борис стоял на реке и молился в шатре своем. А дружина от него ушла, ибо не захотел он во главе ее пойти и занять престол Киевский после отца, прогнав брата Святополка. И как он перестал молиться, воины ворвались в шатер и пронзили князя копьями, внесли и завернули в ковер и повезли. А он был еще жив. И те люди не решались снова его убивать... А имена их треклятые известны: Путыша, Талец, Елович, Ляшко. Послали к Святополку спросить. Тот отправил свой ответ: двоих варягов. И те прибывшие варяги безжалостно добились юношу.

«О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего!»

¹²⁵ Вот так.

¹²⁶ Здесь: опочивальня.

¹²⁷ Воспитатель.

¹²⁸ Чашу.

А Глеба настигли здесь, у Смядынской пристани. И он ведал о смерти отца, об убийстве брата Бориса, а не хотел сопротивляться. Ибо сказано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И еще говорится: «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец». Есть и такое призывание: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Вот и юный тот Глеб изгонял свой страх любовью...

Сычонок слушал Луку внимательно. То, что братьев убивали на реках, поразило его. Да и как же иначе, его и самого чуть не прибили на реке. Но кто он, а кто – те страстотерпцы-князи.

А лютые братоненавистники, кровопийцы, посланные Святополком, уже подплывали сюда, к Смядыни. И они стали перескакивать с ладьи на его ладью. Глеб велел своим слугам не противиться злему, как то и заповедовал Иисус Христос: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Но видя в руках злодеев острые блещущие мечи, Глеб затрепетал и попросил: «Помилуйте уности моее, помилуйте, господе мои! Вы ми будете господие мои, а аз вам раб. Не пожнете мене от жития не съзьрела, не пожнете класа, не у же съзьревъша, млеко безълобияносяща! Не порежете лозы не до коньца въздрастьша, а плод имуща! Молю вы ся и мил вы ся дею»¹²⁹.

Тут Сычонок опустил глаза и сжал кулаки, закусил губу.

А те, будто дикие зверюги, накинулись на него. И велели его же повару Глеба и резать. А Глеб плакал и звал отца своего Василия: «Василие, Василие¹³⁰, отче мой и господине! Приклони ухо твое и услыши глас мой, и призри и вижь приключышася чаду твоему, како без вины закалаем есмь. Увы мне, увy мне!»¹³¹

И это поразило Сычонка больше всего: то, что Глеб взывал к Василию. Это было похоже на какое-то чудо. Он вскинул голову и во все глаза смотрел на Луку. «И моего батьку кликали Василием!» – кричали яркие глаза мальчика. Щека у него дергалась, губы кривились, лицо было бледным.

Лука замолчал и уставился на него.

– Да, так он взывал, – проговорил он немного растерянно, следя за Сычонком.

Сычонок не мог больше сидеть на колоде близ колодезя и вскочил. Лука поднял руки.

– Тиш!.. Охлынь, охлынь, малый, – заговорил Лука. – То давно было, давно... не сейчас. Ну. Я доскажу тебе. Тут его и зарезали на Днепре в Смядыни. И бросили тело на берегу. Прямо здесь! – сказал Лука и ткнул пальцем на колодезь. – И как тело то обрели, на сем месте и колодезь водой исполнился. А теперь давай, запуская ведро в лагвицу сию святую.

И сам опустил ведро, и зачерпнул воды, и перелил ее в бадейку. Так и работал, посматривая своими раскосыми глазами на мальчика. А как бадейка наполнилась, просунул крепкую палку под дужку и велел Сычонку братья за другой конец. И так они понесли воду в монастырь. Сычонку пришлось трудно: он был ниже ростом того Луки и потому руки подымал на уровень груди. Шли, расплескивая воду, и Лука уже тихо ругался. Но все же достаточно воды осталось в бадейке, и они ее перелили в большую бочку у поварни и снова отправились на колодезь.

Теперь уже Сычонок смотрел на нее внимательнее. В воду уходил четырехугольный сруб. Сверху его накрывал щит. Сруб был явно из дубовых бревен. Сычонок и потрогал дерево, и даже принюхался. Точно – дуб. Его запах стал для мальчика родным, как запах Возгоря Василья Ржевы. На ветке ивы над колодезем висел деревянный черпак. Тут же стояло и ведро с веревкой, охваченное полосками железа, а к ушам были подвешены камни на веревках, чтоб

¹²⁹ «Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вам рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость».

¹³⁰ При крещении князю Владимиру было дано имя Василий.

¹³¹ «Василий, Василий, отец и господин мой! Преклони слух свой и услышь глас мой, как ни за что убивают меня. Увы мне, увy мне!»

ведро быстрее тонуло. Сычонок заглянул в колодезь. В нем отражались ветки ивы, серое небо да сам Сычонок.

Потом Лука велел ему подметать в трапезной, а сам занялся колкой дров у поварни. Пришел еще один монах, средних лет, с тугими заросшими бородой щеками и темными глазами, и принялся стряпать. Велел Луке печь затопить. Заметив мальчика, спросил сипло: кто это таков приبلудился? Сычонок ничего не отвечал, за него говорил Лука. Мол, да кто его знает, точно, приبلудился, его отец Стефан привел, отбил у собак в городе.

– Немко? – вопрошал тот монах щекастый.

– Немко, брат Кирилл, – отвечал Лука.

– А иди-ка ты вон, на воздух, – прогнал Сычонка тот монах. – От тебя дух прет смрадный. Фух!

И точно, Сычонок свою одежду давно не стирал, вся насквозь пропахла рыбой, потом, смолой, землей...

И он вышел на двор. Стоял, озираясь, топал босыми ногами. Холодно ему было. Одно слово – черемуховые дни настали.

Под цветущими яблонями бродил рыжий большой кот с белой грудкой. Он все чего-то вынюхивал, высматривал в желтых одуванчиках, прижимал лапой, словно измазанной в сметане, и отпускал. Видно было, что охота ему ни к чему, сытная жизнь у него здесь, за монастырскими стенами, – так, баловался с какими-то букашками, может, с лягушками. Но как прилетала на ветку птица, кот по-настоящему оживлялся, шерсть его так и блистала, и он пригибался к земле и начинал подкрадываться... Да птичка сразу и улетала, осыпав на кота лепестки.

И было этому коту так хорошо, тепло в его рыжей густой шубе и белых шерстяных обмотках, что Сычонок обзавидовался.

3

Настоятель монастыря, отец Герасим, невысокий лобастый старик с лысиной, но с тяжелой пего-седой бородой, опираясь на посох с резным драгоценным набалдашником, оглядывал босого Сычонка.

– Ну, пусть пока живет, – молвил он. – Токмо яко его величати?

Стефан взглянул на мальчика и принялся перечислять разные имена. А Сычонок все крутил отрицательно головой. Стефан выдохся и улыбнулся. На его смуглом лице горел румянец, глаза ореховые светились умом и силой. А вот – выдохся, так и не дознавшись.

– Грамоте не разумеешь, чадо? – спросил отец Герасим.

Сычонок pokrutil головой.

– Сице посади его за ученье, – сказал он Стефану. – Пока суд да дело, глядишь, с Божией помощью хотя бы имя свое писать выучится. Но сперва первую молитву нашим покровителям пусть осилит.

И Сычонок остался при монастыре. Место для спанья ему отвели на дровяном складе. И приставили его к поварне, под начало Луки и Кирилла. Лука и молитве святым братьям принялся учить: «О двоице священная, братия прекрасная, доблии страстотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии, и кровью своими, яко багрянцею, украсившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забудьте и нас, сущих на земли, но яко теплии заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте...»

Сычонок не мог сразу все запомнить и получал от Луки подзатыльники. Но уже через два дня знал назубок. А ведь «говорил» ее про себя, и никто не мог проверить, точно ли он все знает. Лука заставлял его подметать в трапезной, таскать воду, дрова для печи, чистить котлы в поварне. А уже поздно вечером прямо на дворе, если не моросил дождь, Лука, расчистив землю у склада, писал заостренной палкой буквы и заставлял Сычонка списывать их другой палкой тут же на земле.

При монастыре жил слепой горбун Тараска Бебень, он вырезал из липы ложки, ковши, кружки, миски; мог вырезать игрушку; плел и лапти. Стефан как-то увидал вечером озябшего босого Сычонка и отвел его к этому горбуну с козлиной бородкой и длинным носом и попросил сплести ему обувь. Горбун померил ногу мальчика по своей руке и приступил к делу. Он ловко плел лапти, глухо напевая себе что-то под длинный угреватый нос. Мальчик прислушался. «Ой ты, Горе мое, Горе серое... Лычком связанное, подпоясанное!.. – напевал горбун. – Уж и где ты, Горе, ни мотался... На меня, бедную, навязался... Уж я от Горя во чисто поле... Оглянусь я назад – Горе за мной идет...»

Сычонку тоскливо стало от той песни, и он пошел прочь.

А горбун Тараска Бебень сплел ему отличные лапти, Сычонок примерил – впору. Лука уделил холстину на обмотки, веревочку. И Сычонок наконец-то обулся. И одежду свою выстирал. Да она быстро пачкалась при работе.

То ли дело кот Кострик, как его звали. Цветом он и был в конопляную костру. Всюду бродит, под дровами шарится, по всем углам отирается, а полижет шерсть, и та сияет на солнце. Лепота-а!

Сычонку, чем больше он за ним следил, тем сильнее хотелось быть котом. И воду никто Кострика таскать не понуждает. И буквы не надо учить. И можно не говорить, только смотреть, подергивая хвостом.

Все в монастыре всегда были заняты делом. Кто на огородах работал, кто стены келий поновлял, белил ограду, копал землю под яблонями, уходил рыбачить на Днепр с мрежей, кто

молитвы читал. Заглянул из любопытства Сычонок как-то в келью, называемую книжницей. Там сидели два монаха и переписывали какие-то книги.

– Чего нос здесь суешь? – спросил один.

– Стой, брат Сергей, может, он чтец? – насмешливо спросил другой, отрываясь от своего дела.

– Ладно, – сказал первый. – Принеси воды напиться.

И Сычонок побежал в поварню, набрал ковш воды и поспешил назад, в книжницу. Да тот монах только пригубил и выплеснул воду прямо на Сычонка.

– Ах ты, недоросль, ленивец нериязненный¹³²! Пошто старую-то воду принес? А не прямо из колодезя?!

Второй монах-переписчик качал головой, ухмылялся. И Сычонок снова побежал за водой, теперь уже на колодезь. Зачерпнул там водицы и вернулся. Монах Сергей, с дымчатой бородой и мягкими усами, носом-уточкой, напился воды, утерся и похвалил мальчика. Напился и второй переписчик.

А пока они пили, Сычонок глядел на книги в кожаных переплетах, на гусиные перья и палочки в деревянных ступках. На стопки тончайшей кожи и всякие плоски.

– Добре, отроче, – сказал и второй монах с болезненным скуластым бледным лицом, оттененным густой черной бородой.

Он протянул мальчику ковш. Сычонок взял, но не уходил.

– Ну, что тебе поведати? – спросил устало этот худосочный монах с выпуклым, как колено, лбом.

Мальчик глядел на него, ждал. В дверной проем ломился яркий солнечный день с птичьими песнями, далеким лаем собак, с криками чаек на Днепре. И оба монаха шурились, глядя на мальчика.

– Грамоты не разумеешь? – спросил снова тот монах. – Сице поусердствуй, и станут тебе доступны овые¹³³. – И он кивнул на книги в кожаных переплетах, по которым переливались волны света. – Много чего из оных можно уразуметь, – продолжал он. – И начало мира, и жизнь Господа нашего Иисуса Христа, и сказания о полководце Александре Македонском, и жития великих святых, и откуда есть пошла земля Русская. И про наш великий Оковский лес, который обтекают три чудные реки: Днепр, Двина и Волга, сбегая с горы Валдайской.

– Ты, Димитрий, лучше¹³⁴ скажи ему, что каждая книга – стадо, – проговорил Сергей.

Брат Димитрий кивнул.

– И то верно. Стадо словесное и есть.

– ...и коровье, – продолжал Сергей.

Брат Димитрий обернулся к нему.

– Неужто сам забыл? – спросил Сергей. – Страницы – уньци¹³⁵..

– Ах, – откликнулся Димитрий и закивал.

– Каждая страница – уньць.

– Ты поясни: теленок али олень, – подсказал Димитрий.

– Олень, – пояснил Сергей. – И каждая книга – то стадо оленей, отрок. Вот эта книга – сто оленей, – сказал он, беря одну книгу. – А вот Библия, – проговорил он, беря тяжелую толстую книгу с застежками, – пятьсот оленей. Разумеешь?

¹³² Враждебный, дьявольский.

¹³³ Эти.

¹³⁴ Лучше.

¹³⁵ Уньць – и теленок, и олень.

Сычонок во все глаза глядел на монахов. В его голове это никак не укладывалось. Он видел лесных оленей в окрестностях Вержавска... Как же они могли обернуться книгами?.. И рога где?..

Монахи посмеивались, следя за мальчишкой. Да тут появился игумен Герасим.

– Ты что тут деешь, отроче? – спросил он строго. – Братьев от дела отрываешь? А в бочке полно воды-то? И котлы в поварне сияют?

– Он водицы дал нам испить, отче, – сказал монах Димитрий.

– Да и молодец, – отвечал игумен. – А теперь за работу!

И он подтолкнул легонько мальчика в спину.

– Студ¹³⁶ праздным! – напутствовал он мальчика.

Но все же Сычонок умудрялся всюду побывать, посмотреть, что к чему. Подходил он и к порубу.

Была такая постройка из бревен, без окон, в самом дальнем углу. Там сидел какой-то кощей, как успел разведать Сычонок. Но что за кощей, он не знал. Корм ему туда носил сам тугощекий Кирилл. Сам готовил, сам и потчевал. И Сычонок думал, что, значит, кощей тот какая-то важная птица.

И как только он к порубу приблизился, его окликнул Феодор с налимьими усами, поминал, а как мальчик подошел, крепко и больно ухватил за ухо толстыми сильными пальцами и тихо, но внушительно сказал:

– Чтоб и близко твоего духу не было около поруба, утинок¹³⁷!

В другой раз он увидел открытой дверь в колокольню, да и зашел, постоял, прислушиваясь в темноте и приглядываясь после солнечного двора. Только и слышны были голуби где-то там, вверху. И мальчик пошел по узкому ходу, вверх по скрипучим ступеням. И вот оказался под колоколами разной величины.

Огляделся.

Да!

Вержавская колокольня-то выше была. Выше, много выше. С нее как с птицы было видно вокруг – леса аж до Двины в одну сторону. А в другую – до села и озера Каспли.

Но и с этой колокольни многое было видно.

По одну сторону лежала Чуриловка с избами, сараями, мыльнями¹³⁸, плетнями, огородами, полная жизни и суеты. Налево она тянулась до деревянной церкви Кирилла, мимо которой Сычонок проходил со Стефаном. А там уже начинался город с его стенами, с избами и большими хоромами, горами и церквами, садами, высокими деревьями.

Смотреть туда можно было долго, различая и окна на втором ярусе хором, и галок над собором, и лошадей на склоне горы, и людей, собак, лукови и кресты. И вверх уходила светлая широкая лента реки.

А по другую сторону за лугом и тек Днепр. Там была пристань. И ветер трепал разноцветные флажки на мачтах, а то и надувал большой разноцветный же парус. Там сверкали крыльями и резко кричали чайки. Вверх по течению на берегу дымились смолокурни, лежали ладьи вверх дном. То же и на другой стороне с обширным крутым холмом, поросшим соснами: там тоже лежали и лодки, и ладьи, и дымились смолокурни.

У пристани стояли избы и склады, все время двигались люди, носили тюки, складывали на телеги и везли в город на Торг. А другие везли товар сюда, на пристань.

¹³⁶ Позор.

¹³⁷ Щепка.

¹³⁸ Банями.

Небольшой торг был и там, прямо у пристани. Смоль-няне предлагали ладейщикам всякую снедь в путь-дорогу, а то и товар для продажи в дальних городах и по Днепру, и по Двине, а кто по Двине-Дюне вверх пойдет, то и на Волге.

«Здесь пристань трех рек и есть», – сказал Лука.

И Сычонок увидел уже одну из этих рек: Днепр. До Двины-Дюны так и не дошел... Совсем она была близка... Тут снова на него наплыло прозрачное облако горькой печали, тоски по отцу, да и по его товарищам Страшко Ощере и Зазыбе Тумаку.

А Волга уже где-то высоко... поднебесная река...

И ему поблазнилось, что отец с товарищами где-то по той Волге и плывут сейчас.

Все двоилось в глазах мальчика.

Не отдавая себе отчета, он взялся за веревку и качнул язык среднего колокола, качнул сильнее, и тот соприкоснулся с краем, и воздух тихо завибрировал. Мальчик тронул язык другого, поменьше, и нежный звук с колокола потек, воздух как будто засеребрился. Уже не в силах остановиться, мальчик потянулся к языку самого большого колокола, вздынул его раз, другой, третий – наконец тот рокотнул, густой бас его кругло покатился во все стороны. Густой, грозный, величественный. Грудь мальчика содрогнулась, глаза стали горячими, ладони вспотели. Такой-то силы, вдруг подумалось ему, не было у прежней веры – веры беззубой, сморщенной бабки Белухи. Колоколен они не строили на горах Вержавских, а все по закутам дымным кобь свою справляли, аки то баил батька.

Тут позади послышалось тяжелое дыхание, кто-то поднимался по скрипучим ступеням.

Мальчик оглянулся.

На площадку выходил тучный рыжий монах Леонтий.

Он возмущенно глядел на Сычонка, утирал рукавом потное лицо в веснушках, обрамленное стружками бороды. Мальчик отступал медленно.

– Фуй... Ты чего обаче¹³⁹? – отдуваясь, спросил Леонтий. – Баловаться тут восхотел, таль¹⁴⁰ неразумения? Упадки вилавые¹⁴¹?.. У кого тому выучился? Али чего? Кто надоумил? Фуй...

Сычонок глядел на него, отойдя уже к самому краю площадки.

Леонтий утирал пот.

– Время-то... оно... и как раз, пора перезвон учинить... – говорил он. – Но убо¹⁴² я же звонарь?..

Мальчик кивал и уже бочком пробирался к спуску. Леонтий вел его взором выпуклых голубых глаз. И когда Сычонок уже готов был юркнуть вниз, окликнул его:

– А ты... погоди-ка, уньць!.. – Он поманил его пухлой ладонью. – Поди сюды.

Мальчик с робостью приблизился.

– Не бойсь, не прибью, – сказал рыжий Леонтий. – Ты прежде не звонил?

Сычонок помотал головой.

– Угум... А с чего ж тебя вдруг разобрало-то? А? Али рачение нашло? Ну, сознавайся? Засвербило в дланях-то?.. Глаголь. – И рыжий прихлопнул себя по черной шапочке. – Ха, балда. Ты-то баить и не умеешь... А он вот, батюшка, вместо тебя и побаит, ну? Держи.

И Леонтий дал ему веревку самого большого колокола.

– Потяни, потяни хорошенько!

Сычонок дернул и еще раз сильнее, и колокол сразу ответил басом.

¹³⁹ Здесь: однако.

¹⁴⁰ Заложник.

¹⁴¹ Подходы лукавые.

¹⁴² Здесь: так.

– Не! Сразу не леть! Ты его разогрей-то с тщанием, побаюкай сперва, сице, дабы он не кричал, не ревмя ревел коровой, а... – и тут Леонтий провел ладонью по воздуху, – пел. Разумеешь? Пел.

Мальчик кивнул.

– Ну, давай. Чтоб он языком едва-едва коснулся *губы*-то, – сказал Леонтий и дотронулся до края колокола и быстро проговорил, перечисляя и показывая на те или иные места колокола: – Се *губа*, се *талия*, се *поясок*, се *голова*, се *корона*, се *хомут*.

И Сычонок начал медленно раскачивать тяжкий круглый язык. И ему чудилось, что он не только колокол этот качает, а еще и колокольню, церковь, кельи, поварню с трапезной и само небо с солнцем. И колокол неожиданно нежно, хотя и басом, пропел.

Леонтий аж засмеялся и потер пухлые ладони. Глаза его блистали.

– Ишшо, ишшо! – сказал он. – Хотя и не время, но... можно. Запомни: сей батюшка-колокол – *праздник*.

И мальчик снова заставил этот колокол сказать свое какое-то устало-задушевное, бережное слово.

– А теперь вон, – указал Леонтий на колокол поменьше. – Он – *воскре-се-е-ние*. И также не время... но давай уж.

Сычонок и его заставил петь так же благозвучно. Леонтий в голос засмеялся.

– Бо убо! Бо убо¹⁴³! Но им давай глаголать только в праздники и воскресенья, разумеешь?.. А нынче не избежать внушения от Герасима али кого другого...

Но видно было, что Леонтий по-настоящему захвачен происходящим. И он велел взять веревочки от других колоколов – *будничных*, а потом маленьких *подзвонных* и *завонных*, последние были в связке.

Мальчик сбивался вначале, но Леонтий ему показал, как нужно. И Сычонок снова попробовал.

Леонтий зажмурился, как кот Кострик.

– Ну, я тебя ишшо поучу, – сказал он, – а пока дай братии поиграю.

И он начал звонить-перезванивать-заванивать, ловко поворачиваясь, дергая за веревки, будто танец какой исполнял. И живот ему не мешал. Он двигался по-юношески легко.

Когда они спустились, в храме уже шла служба. Леонтий повел мальчика в храм. А после службы Стефан спросил, что это было на колокольне-то?

– Он играл, – ответил Леонтий, кивая на Сычонка. – А потом уж и аз грешный.

– Вот оно что! А я и услышал... – Стефан сделал жест рукой, обозначающий волны. – Будто серебро живое пролилося.

Леонтий расплылся в довольной улыбке.

– Да! Так и есть. Сей сирмах¹⁴⁴ и владелец оного, – сказал он и указал на Сычонка. – Аз то сразу раскусил, аки застал его на колокольне. Невинным чадам то даром дается, что нам многими трудами и стараниями.

Стефан кивнул.

– Верно.

– Вот и появится у нас звонарек, – сказал Леонтий. – А то мне туда на верхотуру несподручно бегать-то.

Стефан улыбался своей нутряной улыбкой.

– Значит, не зря я его у собак отбил.

¹⁴³ Ведь так.

¹⁴⁴ Бедняк.

4

А через несколько дней вдруг все в монастыре засустились, что-то случилось. Настоятель Герасим сам по двору ходил, осматривался и тыкал посохом туда или сюда, указывая на ямину ли, на кусок дерева или обрывок тряпки. И монахи все убирали, ровняли, тщательно мели метлами, возили с Днепра песок на кобылке и посыпали дорожки. Только что пыль не сдували отовсюду. Герасим, узрев Сычонка в поношенной грязной одежке, велел ему найти что-нибудь. И Леонтий подобрал ему совсем маленькую рясу, но и та была Сычонку великовата. Леонтий взял ножницы, тут же укоротил подол и рукава, дал мальчику нитку с иглой да указал все подшить. Сычонок сидел, корпел над рясой, все пальцы исколол. Леонтий глядел-глядел и не вытерпел, вырвал у него рясу да и все сам ладно и быстро обметал. Мальчик скинул свою уже рваную на локтях и коленях одежду и примерил снова рясу. И почувствовал, какая она теплая. Леонтий и порты крепкие ему отыскал.

Мальчик вырядился и удивленно на Леонтия глядел, кивал вопросительно.

Тот не мог понять, о чем он вопрошает, мол, как выглядит, что ли?

– Да ты ж не девка, чего волнуешься? Похож на заправского инок.

Но мальчик продолжал спрашивать. Леонтий так и не понял, чего ему надо.

Мальчик шел да прислушивался, о чем толкуют монахи. Понял: кто-то едет сюда.

И точно, под вечер Леонтий велел мальчику лезть на колокольню и глядеть в оба на Чуриловку. Как только на дороге появятся всадники, бить в *праздник* и в *воскресенье*, а после дать перезвон.

– Ты его посылаешь, не боишься, что малый вместо звонов петуха даст? – спросил Феодор с налимьими усами.

– Отрок смысленый. На лету все схватывает. Я, может, и гораздно¹⁴⁵ сыграть сумею, но без живого серебра. А у него оно есть, поет, – отвечал убежденно Леонтий.

И точно, все эти дни они поднимались вдвоем на колокольню, и Леонтий поучал мальчика. Так что тот уже прилично звонил.

– Гляди, Леонтий, – сказал Феодор, качая головой.

И вечером, когда из-за Днепра лились червлёные лучи солнца и кукушки в дальних берёзовых рощах били в свои небольшие, но звучно-гулкие «колокола», будто дразня мальчика, вызывая его на колокольное сражение, а в слободе мычали коровы, брехали собаки и перекликались звонко дети, на дороге в Чуриловке и впрямь показались всадники.

Мальчик глядел на них сквозь полеты многих ласточек, они реяли вверх и вниз вокруг колокольни и резко цвиркали.

И Сычонок взялся за веревку и качнул язык *праздника*. И тот загудел благовестом. Ласточки еще громче и резче закричали, беспорядочно носясь в вечернем воздухе.

Правда, Леонтий не утерпел и все же неожиданно быстро поднялся на колокольню, отдуваясь и утирая пот, и сам заиграл. А потом кивнул и мальчику, чтоб тот взялся за *подзвоны* и *завоны*. И так они вместе играли. И так дивно у них получалось, что монахи лишь головами качали.

А всадники уже въезжали в ворота. Там сразу и остановились, и спешились.

Леонтий еще не давал знака, и колокола продолжали петь.

Среди приехавших выделялся сероглазый мужчина с русой бородкой, в червленом же, как те лучи, плаще, в высоких сапогах, в голубом охабене, на котором поблескивали драгоценные пуговицы, и в зеленой шапке, отороченной мехом, с кинжалом на поясе. Сопровождали

¹⁴⁵ Умело, искусно; основательно.

его тоже нарядные люди и несколько воинов в кольчугах, шишаках, с мечами на поясе и круглыми щитами и копьями, на которых трепетали флажки.

Воины остались при лошадях, а остальные прошли по двору. Встречать их вышла вся братия во главе с настоятелем Герасимом. Приехавшие кланялись Герасиму, и тот им кланялся, и вся братия. И тут Леонтий сделал знак и прервал звон. Замер и мальчик, с любопытством глядя вниз и слушая.

– Рады тебе, светлый наш господине, княже Ростислав Мстиславич! – возгласил игумен Герасим в мантии, в клобуке – черном колпаке со спускающимся на плечи покрывалом, – с большим золотым крестом на груди, блистающим под тяжелой бородой. – С благополучным возвращением в богоспасаемый град Смоленск!

– Благослови, отче! – отвечал князь, подходя и снимая шапку.

Герасим его осенял крестом. И князь поцеловал золотой крест. За ним и его двое спутников.

– Вижу, обитель процветает трудами братии и твоими молитвами, отче Герасим, – сказал князь, оглядываясь.

Это был князь! Знаменитый князь смоленский Ростислав Мстиславич, вот кто. Сычонок в Вержавске слышал о нем и от отца, и от священника Лариона Докуки. Его смольняне любили. Князь жил душа в душу со смоленским вече. Ходил во главе смоленского войска на Полоцк, когда его призвал отец, князь Киевский. Еще с кем-то воевал, с каким-то лесным народом. Но больше хотел мира.

Снова зазвонил Леонтий, и все пошли в церковь, где горели огоньки множества свечей. И всю службу Леонтий и Сычонок оставались на колокольне и время от времени звоном сопровождали службу. Точнее, тут уже звонил один Леонтий, ибо не просто было точно знать, когда ударять и в какой колокол. Леонтий обо всем рассказывал мальчику.

А из открытых дверей доносилось стройное и немного грозное пение братии, а то слышен был один голос – кажется, Стефана: «Кадило Тебе приносим, Христе Боже наш, в воню благоухания духовного, еже прием в пренебесный мысленный Твой жертвенник, возниспосли нам благодать Пресвятаго Твоего Духа!» И слышно было, как раскачивается кадило на цепи. И даже сюда, под колокола, доходило благовоние ладана. А Сычонку вдруг припомнился такой же странный звук дзынькающих серебряно цепей, когда он блуждал по дебрям каспьянским после нападения извергов. Что это было? Как он мог то слышать?

К храму шел горбун Тараска Бебень, клонил простоволосую плешистую голову, истово крестился, на ходу подпевая братии.

Сычонок покосился на свои новенькие лапти... Вот что вместо калиг, обещанных отцом.

Ларион Докука толковал о душе, живущей после смерти. Но вот Сычонок не чуял, жива ли душа отца. Где она? Там ли, на реке Каспле, или в Вержавске около мамы? Или здесь, в деревянном храме Бориса и Глеба на окраине Смоленска? А то, может, там, где-то на высокой небесной неведомой Волге, что обтекает вместе с Днестром и Двиной великий Оковский лес, как о том толковал писец Димитрий? Там, на горе Валдайской? Куда ты ушел, отче? Отче мой Возгорь Василий...

После службы князь, выйдя из храма, сказал игумену и братии, что решил вместо деревянной церкви возвести здесь каменную во имя Бориса и Глеба, страстотерпцев, ежели на то не будет возражений. Игумен и братия благодарили и кланялись князю. Князь твердо говорил, что, коли так, то сразу и приступать надо, не мешкая. Камень возить, лес, глину. А старый храм разбирать с Божией помощью. Чтобы в пять лет возвести новый собор. Игумен отвечал, что дивится тщанию и стараниям князя, ведь только что закончилось строительство заложенного еще его дедом Мономахом собора Успения Богородицы на горе.

– То-то радуется светлый князь Мономах унуку¹⁴⁶, – заключил игумен.

– А тебе, отче Стефан, – сказал князь, оборачиваясь к Стефану, – предстоит поездка в дарованное нашей грамотой преподобному Мануилу селение Немыкарское, за тем кудесником-волком, что наводит там смуту. Владыка и сам сюда хотел бы пожаловать, да болен сделался, жар и трясца его охватили. Ну, ты еще с ним переговоришь обо всем этом, как освятить селение, очистить отбрения¹⁴⁷... – Князь помолчал. – А пока ведите в поруб к вашему гостю дорогому.

И Герасим со Стефаном и те двое, что приехали с князем, пошли в поруб. Хотела и братия за ними последовать, но Стефан обернулся и запретил им жестом. И они остались у храма.

Так вот зачем князь Ростислав Мстиславич сюда пожаловал.

Мальчик с колокольни вглядывался в сумеречный сад, за которым и стоял врытый в землю поруб, да ничего толком разглядеть не мог.

Там князь и остальные пробыли некоторое время, до восхода ранней розовой половинки луны, вернулись к храму, а потом пошли к вратам. И с ними шел высокий простоволосый человек в плаще. Лука привел ему монастырского коня, тот легко вскочил на него, и всадники выехали за ворота.

– Давай! – велел Леонтий.

И они снова зазвонили. Некоторое время Сычонок мог различать этих всадников, скачущих неторопливо по дороге среди изб Чуриловки, из которых высыпал народ поглазеть на проезжающих. А вскоре уже только по удаляющемуся лаю собак можно было проследить их путь к городу, в котором там и сям рдяно светились редкие оконца. Жители в домах зажигали лучины. Град богоспасаемый Смоленск готовился отойти ко сну. И в небе луна горела чьей-то лучиной.

¹⁴⁶ Внуку.

¹⁴⁷ Грязи.

5

Леонтий рассказал Сычонку наконец, кто был этот неведомый пленник-гость: князь Святослав Ольгович. Князь из Новгорода, да народ прогнал его оттуда, что было в обычае у новгородцев-то. То им одно не по нраву, то князь нарушает ихние вековые устои, идет против веча. А со Святославом этим Ольговичем, правда, было вот что. Недруги перекрыли дороги для хлеба в Новгород. А там был недород. И стали новгородцы утягивать пояса, ту же да ту же... Да и не выдюжили, погнали Святослава Ольговича. Он в Чернигов было наострился, к старшему брату Всеволоду да за подмогой, и половцев хотел повести на Новгород, а может, и на Смоленск. Старшой давно рядится¹⁴⁸ с ними, сыроядцами теми степными. Туда же, видно, и младший. Старшой затеял крамолу против великого князя киевского Ярополка, а он – родной дядя смоленского князя Ростислава. Выходит, оба брата враги смольнянам и есть. Да и в Новгород Святослав как пришел? После изгнания Всеволода Мстиславича, родного брата Ростислава. И потом во Пскове его осадил. Да тот Всеволод Мстиславич и помер. Вражина, выходит, со всех сторон этот Святослав Ольгович. Вот смольняне и перехватили его и сюда доставили. И покуда Ростислава- князя не было в Смоленске, тут, в монастыре, и держали в порубе.

– А в граде князь сейчас его али потчует медом, али плетьми, али совсем главу урезал, – закончил свой рассказ Леонтий.

Но Сычонка сейчас волновало другое, а именно повеление Стефану отправляться в селение Немыкарское. Он хорошо помнил, что говорил Страшко Ощера-то. Как бы ему с тем Стефаном и уехать? Ведь, похоже, как раз на того кудесника-волка и посылал его князь? Или нет? Сычонок точно не знал.

– Ну, чего ты ишшо хочешь выведать? – спросил Леонтий, почесывая толстыми пальцами тугую щеку в рыжих волосах.

Мальчик пытался ему на пальцах показать: про кудесника. Но как ни ломал он пальцы, как ни округлял зверски глаза, ни разевал рот и ни прикладывал ладони к голове, как уши волчьи, Леонтий в толк так и не взял, чего он хочет.

– Смешной ты, Василёк, – проговорил Леонтий. – Тебе бо лучше печися¹⁴⁹ о грамоте. Тогда и речь обретишь.

Мальчик и так труждался на этой ниве, выводил на земле вслед за Лукой буквицы, высунив язык от усердия. Да просто грамота не дается, хоть и был он смышлен и многое схватывал с лету.

И в игре на колоколах он преуспевал, так что братия заслушивалась.

Но ему не то надобно было. Мечта о настоящей речи его томила сильнее всего на свете, даже сильнее желания вернуться к матери и успокоить ее, сильнее чувства отмщения за смерть отца и его товарищей. Судьба привела его сюда, прямо в монастырь, сам Стефан, что назначен идти в селение Немыкарское за кудесником, и увлек его сюда. Разве то не чудно? И как же он повернет назад, в Вержавск? И мальчик не хотел идти к тиунам княжеским на расспрос. Ведь за тем его из Каспли Зуй Жирславич и отправил.

Он выслеживал Стефана на дворе. А в его келью идти не решался.

Но вдруг Стефан сам его подозвал вечером после службы. Мальчик обомлел.

– Утром пойдем со мной, – сказал Стефан, – в город, на княжий двор, я к владыке Мануилу, ты – к тиунам.

Мальчик опешил. Как выведал Стефан, что ему к тиунам надобно?

¹⁴⁸ Сговаривается.

¹⁴⁹ Заботиться.

– На пристани сказывали про тебя, отроче, – говорил со своей нутряной улыбкой Стефан. – Ладейщик Нечай да купчина Василь... как его? Запомнил... Знакомы тебе имена-то? Не могли тебя сыскать, да и отплыли уже до Киева с караваном. Но тиунам свою сказку поведали. – Он помолчал. – Убо ты, выходит, из Вержавска? Сын плотовщика? О твоём батюшке рабе Божиим помолюсь. А матушка там ждет тебя? В Вержавске?

Сычонок кивнул.

– Ну, ну, вижу, желя¹⁵⁰ на тебя напала... Да что поделаешь, чадо. На все воля Господня.

Мальчик заснуть у себя в дровяном сарае не мог, ворочался, да и комары донимали, летели сквозь щели... И посреди ночи он очнулся внезапно, широко раскрыл глаза и сам себя спросил: да не сбежать ли прямо сейчас?

К чему ждать? Ведь забрезжило избавление от немоты?.. Он уже ближе к своей речи... Еще сколько-то поприщ вверх по Днепру...

Но не сбежал, остался испытывать и дальше судьбу. Она-то вон как затейливо поворачивала.

После трапезы Стефан поманил его, оглядел мешковатую рясу, онучи, лапти и крикнул Луке, чтоб тот принес скуфейку. Лука принес старую черную шапочку. Стефан надел ее на русые длинные волосы мальчика. Скуфейка была великовата.

– Хоть ты и не послушник даже, но уж ладно, – молвил Стефан. – Ну, пошли с Богом.

Сам он был в черной рясе, мантии и клобуке. Подтянутый, стройный, сильный, со всегдашним румянцем, просвечивающим сквозь смуглость.

И они отправились в город.

Сычонок и рад был, что идет в город, а главное – что идет вместе со Стефаном, но и печалился: что-то решат тиуны? А ну сейчас же и отправят в Касплю, потом в Поречье, а там и в Вержавск.

Утро раннего лета было ясное, теплое, веселое из-за солнца, птиц, синего неба. На Чуриловке брехали собаки, кричали дети, дурным голосом ревел теленок, пели петухи. У Стефана в руке был крепкий посох. Глаза его сияли ореховым огнем. Он шагал широко, и мальчику приходилось собираться с силами, чтобы не отставать.

Из приземистых изб, крытых соломой, иногда выходил кто-нибудь, баба в платке или кудлатый мужик с бородой, в свободной рубахе, и все они тут же кланялись Стефану, и он осенял их крестным знамением. Одна молодая баба засеменила к ним, чтоб лобызнуть руку монаху и испросить благословения. Тот осенил ее, пробормотал свое «Во имя Сына и Святаго Духа» и возложил руку на ее склоненную голову.

И та молодая, загорелая, поджарая баба жарко взглянула снизу и проговорила смиренно и непонятно:

– Ах, батюшка...

Они шли дальше. И Сычонку это все нравилось. Внимание всей Чуриловки было приковано к ним. «И я уже как инок, – думал он, – инок монастыря Бориса и Глеба». Хотя был он даже не послушником, а так, прибившимся, жившим из милости, Христа ради в монастыре, пусть и звонил уже наравне с Леонтием. Он и не думал всерьез о монастырской жизни, то есть о будущем, ни-ни. Кем ему выпадет быть, кто знает. Ему и ладейщиком хотелось стать, водить ладьи по Каспле, а пуще того – по Дюне-Двине, по Днепру, а там, глядишь, и по небесной Волге, что стекает с горы Валдайской. Хотелось ему стать и воином, носить кольчугу, шишак, меч, копье, лук со стрелами. Вот поступить в дружину к светлому князю Ростиславу с серыми очами и курчавой бородой.

Да только кому немко дружинник-то потребен?.. Али ладейщик? Ежели только толмача всегда иметь около себя. Да где сыщешь такого?

¹⁵⁰ Печаль.

Ничего не было ясно. Но сейчас Сычонку по душе было идти подле видного Стефана и выглядеть иноком али там послушником монастыря Бориса и Глеба.

Он хотел дорогой как-то начать свой *разговор* со Стефаном, но все что-то его или Стефана отвлекало. Так они дошагали до церкви при устье речки Чуриловки. Стефан остановился и, поклонившись церкви, перекрестился. То же сделал и мальчик.

Нагнали они телегу с горшками. Лошадкой правил темный от солнца мужик в лаптях, в портах, длинной рубаше, подпоясанный ремешком, в высокой шапке. То был горшечник Савва, как понял мальчик из разговора между ним и Стефаном. Вез он свой товар на Торг в Пятницкий конец. Горшки, кувшины, крынки, блюда и миски, кружки да всякие зверьки и птахи расписные лежали прямо в соломе.

Савва спросил о мальчике, кто, мол, таков. Стефан отвечал, что немко Василёк из Вержавска. А мальчик вдруг опомнился и подумал: «Вон же как чудно получается, и мамка Василиса, и батька Василий, и сам он Васильком уж стал, ну и ну. А был Спиридон».

– А-а-а, – протянул мужик.

И вдруг повернулся, пошарил в соломе и достал расписную птичку-свистульку.

– На, Василька, держи-ка. Будет тебе голосок, – сказал он, протягивая свистульку.

Сычонок насупился и брать не захотел. Но Стефан сам взял и отдал ему.

– Дак ты жа... давай, посвисти, – сказал мужик.

Сычонок шел, не глядя на него.

– Василёк, чего ты? – спросил Стефан.

И тогда мальчик приостановился да и просто издал свой загадочный посвист лесной ночной птицы сыча. Мужик Савва аж поводья натянул.

– Тпррыы! – Он обернулся к мальчику. – Ай у тебя своя свистулька-то? Как сподобился так-то продудеть?

Мальчик смотрел на него исподлобья.

– Отроче Василёк, – удивленно проговорил и Стефан. – Что это было?

И мальчик вытянул губы и снова посвистал сычом – протяжно и по-лесному хорошо и тоскливо.

– Ай да и горазд, малец! – воскликнул Савва. – Аж мурашки по скоре¹⁵¹ пойшли. Ну и умелец. Видать, лесной той Вержавск-то? И сам ты лесовой малый.

Стефан положил руку на плечо мальчика.

– Ну а свистёлку-то мою все ж возьми, – сказал мужик уже на прощанье, сворачивая к Торгу, как только они вошли в город. – Возьми. Девице какой подаришь. Но!..

И он дернул за вожжи.

Стефан улыбнулся уже и внешней улыбкой. И они пошли мимо Торга, где шумели продавцы, квохтали куры, гоготали гуси, пестрели ткани, ярко белели в лукошках горки яиц, на досках лежали груды мокрой – только из Днепра – рыбы, зеленела какая-то трава огородная и яро алели окорока свиные, свешивались жирные колбасы, громоздились круглые румяные свежеспеченные хлеба.

И уже виден был впереди холм Мономахов с собором, освещенным с востока по утреннему Днепру солнцем.

«Красен град-то, – думал мальчик. – Куда уж нашему Вержавску...»

И пошли они вверх по хорошей тропке среди деревьев и огородов, изб. И тут лаяли собаки, кричали весело петухи, какая-то баба бранила мужика за пьянство, то ли вчерашнее, то ли уже нынешнее, утреннее, он что-то невнятное орал ей в ответ. Девочка с косичками гнала прутком нескольких овец. Она зыркнула на монаха и мальчика, замахнулась прутком на черную овцу, побежавшую было куда-то вбок.

¹⁵¹ Шкуре.

Так-то оно, конечно, и в Вержавске то же самое: куры-петухи-овцы, и огороды с грядками, и сады. Но Торга такого нету, и стольких церквей нету, и такого размаха нету, и нет такой сильной реки с пристанями, ладьями, лодками.

Снизу мальчик глядел на собор. Храм стоял на самой вершине холма, за валом. Был он одноглав, но внушительен. Крест на куполе лучился в утреннем днепровском солнце. Вокруг собора реяли белогрудые ласточки, взмывали ввысь и пикировали вниз, будто исполняли какой-то танец или службу служили.

– Ишь, – проговорил Стефан, глядя вверх и прищуривая глаза, сверкая белыми зубами, – ровно монашки...

Тут-то мальчик и хотел *поговорить* с ним. Но в этот момент откуда-то вывернулся пучеглазый малый в лохмотьях, подвязанный женским платком по груди, в драной шапке.

– Ай-яй-ай-яй! Чернец ты наш тресветлый с цветиком! – загнусавил он, пританцовывая, качая головой, растягивая беззубый рот. – Изрони серебро! – И он сложил руки ковшиком. – Изрони, а? Али жемчуга!

– Нету у меня серебра, Богдашка, – проговорил Стефан со своею улыбкой. – А хлебушек я тебе принес. – И с этими словами он достал из-под мантии краюху ржаного хлеба и две луковицы.

– Ай-яй-ай! – возгласил Богдашка, хватая хлеб и осыпая его поцелуями. – Сытый будет Богдашка. Дублий будет Богдашка. Аки елѣфант¹⁵².

Стефан, услышав это, заулыбался. И хотел еще отдать луковицы. Но Богдашка отдергивал руки.

– Не леть! Лихое! Горечь горькая!

– Хм, возьми, Богдашка.

Но тот даже заводил руки за спину, лишь бы не брать.

– Ну, как хочешь, – сказал Стефан.

– Брось, брось, – бормотал Богдашка. – Поганец выжмет слезы. Горькое! Лихое! Тьфу!

– Что ты там говоришь?

Богдашка вдруг обратил внимание на мальчика.

– Ииии-ихх! – крикнул он ему и погрозил грязным пальцем.

Так под странные выкрики дурака мальчик со Стефаном входили в ворота. Здесь стояли стражники с мечами. Стефана они знали, даже кланялись ему, и он благословлял их. И они вошли на холм Мономахов. Тут, кроме собора, были еще деревянные дома да каменный терем. По обширному двору бегали собаки, и с детьми играла дородная нянька в дорогом убрусе. Два мужика что-то копали. На дворе росли кусты, ивы и с краю несколько дубов, казавшихся сейчас черными. А ветви их опушали свежие зеленые листья.

Они остановились перед собором, и Стефан начал креститься и класть поклоны. Глядя на него, и мальчик.

– Кесарю – кесарево, а Богу – богово, – молвил Стефан. – И сперва – богово.

И он направился прямо в собор. За ним и мальчик. Они вошли в собор. Внутри было несколько человек, священник, служка, два по виду купца да богато одетая пожилая баба с ребенком. Горели в подсвечниках свечи. И в окна лились солнечные лучи, повисали чудными лентами, освещая лики на иконах. Пахло ладаном да свежими красками, известкой. Все здесь было новое. Стефан поцеловал в плечо священника, и тот ответил тем же. Они о чем-то быстро переговорили. И Стефан направился к большой иконе Богородицы с Младенцем. Сычонок – за ним. Он возвел глаза на лик Богородицы... Ох и суров же тот бысть. Сычонок такой Богородицы еще и не видал никогда, ни в Вержавске, ни в монастыре на Смядыни. Ему стало не по себе. Словно Богородица уже знала о происшедшем на речке Каспле в Вержавлянах Великих. Но

¹⁵² Слон.

ведала и больше. Больше! О его стремлении к горам Арефинским, к таинственному Хорту. О надежде получить у того речь. Оттого и сомлел в страхе Сычонок. Вдруг ему сверкнуло, что речь-то не у Хорта надо искать, а у кого-то еще... хоть вот у Стефана.

Он на него покосился.

Стефан шептал скороговоркой слова молитвы: «О Пречудная и Превышшая всех тварей Царице Богородице, Небеснаго Царя Христа Бога нашего Мати, Пречистая Одигитрие Марие! Услыши нас грешных и недостойных в час сей молящихся и припадающих к Твоему Пречистому Образу со слезами и умиленно глаголющих: изведи нас от рова страстей, Владычице Преблагая, избави нас от всякия скорби и печали, огради от всякия напасти и злыя клеветы, и от неправеднаго и лютаго навета вражия...»

Но непримиримо поджатые губы Богородицы не разжимались, и глаза ее смотрели все с той же недоверчивостью и с тем же порицанием. И она молчала. Да и все святые, к которым обращались и вержавцы, и вержавский священник Ларион Докука, и монахи, – всегда молчали. Ничего не отвечали. А ведь все молившиеся так и ждали от них ответа. Это мальчику было ясно.

У выхода они снова поклонились и шагнули в яркое, цвиркающее ласточками утро.

– Я пойду к владыке Мануилу, обаче¹⁵³ прежде тебя отведу к тиунам, – сказал Стефан.

Но мальчик так посмотрел на него, что Стефан со своею улыбкой ответил:

– Ладно, вместех предстанем пред тиунами.

И они пришли в каменные палаты. Там была просторная комната с лавками. И слуга велел им ждать. Мальчик с любопытством озирался. Стены в той комнате были затейливо расписаны и цветами, и птицами, и какими-то зверями. Но то и не роспись по стене была, а что-то такое... Мальчик не удержался и прикоснулся к стене. Точно. Это была ткань. Голубоватая, а рисунки желтоватые, охристые. В таких нарядных одринах¹⁵⁴ ему еще не доводилось бывать. И стол у окон со слюдой был внушительный, на изогнутых ножках. А за ним – красивое седалище с резной спинкой.

Скрипнула дверь, раздался кашель, и в комнату вошел средних лет мужчина с аккуратно подрезанной каштановой бородой, с густой копной такого же цвета волос, в темно-зеленом кафтане, светло-коричневых сапогах.

– Отче Стефан, – сказал он высоким голосом со стальной ноткой, – владыка Мануил ожидает тебя в своей одрине, ему еще неможется.

Стефан кивнул и ответил, что сейчас же отправится к владыке, как только учинится Васильку расспрос. Он назвал этого человека Олфимом.

– Не мешкай, отче, – возразил Олфим, – ибо сегодня же ты отправишься в Немыкари.

И Стефану пришлось уйти сразу же. На прощанье он ободряюще улыбнулся мальчику, и эту улыбку вряд ли заметил Олфим, а Сычонок узрел явственно.

¹⁵³ Здесь: но.

¹⁵⁴ Здесь: комнатах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.